

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Вячеслав ШАЛЫГИН

ОРУЖЕЙНИК

Сезон Катастроф

Вячеслав Шалыгин

Оружейник

«ЭКСМО»

2014

Шалыгин В. В.

Оружейник / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2014 — (Сезон Катастроф)

Сезон Катастроф, обрушившийся на Землю из неведомого пространства, продолжается! Центр его изучения делает все, чтобы положить конец бесчисленным бедствиям. Сотрудники Центра – квестеры – убеждены, что смертельную Игру с землянами затеяли «серые», появившиеся в начале трагических событий. Группа квестеров Андрея Лунева попадает в параллельный Альфа-мир, где чудовищная Игра принимает новый оборот. Существование мира пяти измерений, мира Древних, ставит перед квестерами новую задачу – ради спасения родной планеты шагнуть за край Вселенной...

© Шалыгин В. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая: Вершина и ветер	14
1. Приграничье Зоны 52 (Аргентина) – борт чартера ЦИК	14
2. Воздушная Зона – Альфа-Вершина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вячеслав Шалыгин

Оружейник

© Шалыгин В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Все началось осенью 2015 года. Зловещее Нечто прорвалось через многочисленные разломы мироздания и установило вокруг точек прорыва жестокие и малопонятные людям правила игры. Обстановку нагнетал тот факт, что никто не мог угадать, где в очередной раз рванет и какие возникнут проблемы вблизи нового разлома. Ведь они могли быть какими угодно – от землетрясений на равнинах, извержений остывших, казалось, навсегда вулканов или многомесячных песчаных бурь до стремительных наводнений в маловодных регионах, тлеющей без пожаров земли или появления болот, полных невероятных тварей. Но эти взрывные изменения привычного течения жизни явно проигрывали в эффектности взлому законов физики и схем мироустройства. Где-то вдруг полностью исчезали звуки, где-то время меняло свой ход, а кое-где привычные предметы превращались в бесформенные комки неизвестного вещества. Ни в одной из аномальных Зон вблизи разломов сценарии не повторялись, но каждый раз казалось, что из сопредельных пространств, времен или измерений в нашу реальность прорвалось худшее, что мог создать смежный мир.

Впрочем, имелись и общие признаки Зон вокруг разломов мироздания: подавление радиосвязи, появление загадочных людей в серых комбинезонах и наличие в центре аномальной территории подвижной черной кляксы – собственно места разлома. А еще во всех Зонах разломов обязательно встречались металлические пластины с вырезанными на них пиктограммами. Вскоре этим вещам придумали название – «пакали», но их назначение и свойства оставались загадкой еще очень долго. До тех пор пока в этот вопрос не внес ясность созданный бизнесменом Кирсановым Центр Изучения Катастроф. Именно ЦИК с самого начала активно занимался проблемой разломов и вскоре превратился в единственную реальную силу, способную если не противостоять разрушению мира, то хотя бы помочь человечеству найти свой путь по лабиринту из осколков мироздания.

Так все и началось. Мир то ли перевернулся, то ли вывернулся наизнанку, не имеет значения. Важно, что ему пришлось принять новые правила существования. Правила жестокой Игры на выживание, названной ее участниками «Сезоном Катастроф».

Пролог

Зона разлома 4 (Бангкок)

Детектор пакалей – на языке квестеров «дескан» – пискнул всего один раз. И метка на экране зажглась всего на секунду. Но командира Пятьдесят пятой «Восточной» квест-группы ЦИК Дмитрия Кобелькова ничуть не смутила неуверенность дескана. Это ведь только казалось, что вокруг непроходимые джунгли. На самом деле в зарослях повсюду скрывались огромные массы железобетона и всевозможного металла. Центр зоны разлома с порядковым номером четыре, поросший джунглями Бангкок, в недавнем прошлом был городом технологичным. Вот и создавал теперь упрятанный под зелень металлолом помехи, с которыми через раз справлялись даже самые новые модели детекторов. Но продвинутые десканы руководство доверяло только группам Камохина и Трофимова. Остальным предлагалось пользоваться штатным оборудованием и тихо материться либо вовсе полагаться не на десканы, а на чутье и опыт. Впрочем, чутье и опыт плюс какая-никакая помощь дескана вполне покрывали потребности квестеров. Например, сейчас им оставалось всего-то понять, где в этом нагромождении поросших зеленью останков всевозможной техники, сооружений и зданий спрятана вещица размером с коробочку от древнего лазерного диска.

«Если дескан не соврал, вот тебе маршрут – строго на восток порядка сотни метров, но если соврал... можно нарезать еще сто кругов. А силы на исходе. Но без пакалей возвращаться стремно, даже чтобы пополнить запасы и перевести дух. Хотя бы один принести надо кровь из носу. Круче, конечно, как Трофимов однажды вернулся – сразу с тремя пакалями, но это высший пилотаж. У Виталика чутье, будто у ищейки. Короче, не про нас такие истории. Нам бы один завалышенький, золотой хотя бы, и то хорошо, и то хлеб с маслом».

Кобельков вдруг заметил какое-то движение на зеленой свалке правее позиции квест-группы и почти сразу услышал, как вновь запищал дескан. На этот раз вполне отчетливо и протяжно. И метка на экране зафиксировалась, хоть и мигала при этом без всякого ритма, как трепещущее на ветру знамя. Более того, «трепыхающаяся» метка начала двигаться, но, к сожалению, не в сторону квестеров.

– Командир, кажется, вижу аборигенов, – негромко произнес занявший позицию справа от Кобелькова снайпер квест-группы, вечно серьезный в своей неуверенности Степан Опеков.

– Зеленых? – настороженно озираясь, спросил стрелок группы, раздолбай и балагур Даниил Красько.

– Вроде бы нет, – шепнул Опеков. – Здесь лес как бы нормальный, не гринменов территория, партизанская. Ты их не видишь? Вон там, левее ржавой вышки, что-то шевелится, если не ошибаюсь.

– А-а, вижу! – Красько тоже перешел на шепот. – Чего-то нашли и до хаты пошли. Озираются. Док, пригнись! А-а, черт! В лес рванули партизаны!

– Нас засекли? – спросил Кобельков.

– Наверное, дока срисовали! – вместо стрелка ответил Опеков. – Он как обычно вылез, с приборами упражняется. Постреляем?

– Отставить. Войки не одобрят. На реке стоят, четыре катера, не прячутся даже.

– Тогда дело дрянь, командир, – снайпер почему-то бросил взгляд на заросли слева от позиции группы. – Кажется, партизаны нашу посылку перехватили.

– Это ты в прицел разглядел?

– Босс, не тормози, – поддержал Опекова стрелок. – У тебя дескан пищит не затыкаясь. Ну дык чего, валить их или ногами поработаем? Решай, командир, уйдут бегуны! Вон, видишь, уже не маскируются даже. Сейчас добавят – фиг догоним!

Кобельков отлично видел аборигенов, удирающих со всех ног. Вполне возможно, причиной и впрямь был найденный пакаль, но броситься в погоню Кобельков не мог. Граница между аномальной, выросшей из чужеродных семян хищной растительностью и остатками «аутентичных» джунглей пролегла в сотне метров от берега реки – почему-то чуждая растительность не любила открытую воду и к берегам водоемов не приближалась. Под прикрытием нормальной зеленой «окантовки» рек и озер квестеры и передвигались по зоне разлома номер четыре. Но местные жители, в отличие от гостей зоны, умели каким-то образом выживать и в непролазной чаще хищных джунглей. Вглубь этих аномальных зарослей они сейчас и драпанули. Преследовать их по горячим следам было слишком опасно, а если одеваться в защитные костюмы или идти в обход, терялся весь смысл преследования. Пока квест-группа будет одеваться или маневрировать, аборигены легко уйдут в тину.

На усиленный американскими рейнджерами патруль местных военных, который обозначал свое присутствие, курсируя по фарватеру реки Чаопрая, тоже мало надежды. Вояки были сильнее любой бригады партизан или гринменов – бывших людей, вступивших в симбиоз с иноземными растениями. Но военные обычно не спешили ввязываться в разборки с нелегальными обитателями зоны или мутантами. Видимо, на то имелись свои причины. Вероятнее всего, финансовые. Хотя не исключен был вариант – «а смысл?».

В последнее время и здесь, и на других нестабильных территориях государевы людишки (вне зависимости от того, какой у них государь) несли службу без энтузиазма. Деморализованы были в основной массе. А без боевого настроя какая служба? Отбывание номера за обесцененные гроши, пайки и неучтенные стимуляторы, на которые подсели многие вояки, да и гражданские специалисты, работающие в аномальных зонах. Но в патрули под кайфом обычно не совались, а на трезвую голову нет куража. Плюс ко всему ходили слухи, что у тайских аборигенов к заражению иноземной зеленой чумой имеется устойчивость, а вот у всех остальных иммунитета нет. То есть, сунувшись в джунгли, американцы рисковали подхватить зеленую заразу и постепенно превратиться в гринменов – мутантов, обросших мхом, ветками и деревянными шипами. Совсем никакого интереса. Так что рисковать военные точно не станут.

«А еще поговаривают, что аборигены не прочь этими самыми гринменами полакомиться, – подводя итог размышлениям, подумал Кобельков. – И необязательно, когда те уже обросли мхом и колючками. Бывали случаи, когда жрали нормальных с виду людей. Для нашего брата, получается, чистая лотерея. Ты ведь не в курсе, что заражен, а они чувствуют. «Тюк прямо в темя – и нету Кука». Схомячат – не поперхнутся. И все, сходил, называется, в квест».

– Ушли зверята от ребят! – Красько разочарованно вздохнул. – Вся сдача в недостатку! Плакал наш пакаль.

– Или нет, – снайпер Опеков вдруг опять бросил настороженный взгляд влево, а затем вовсе развернулся и взял заросли на левом фланге на прицел. – Кажется, опять движение, командир! Близо!

Кобельков двумя жестами приказал группе рассредоточиться и приготовиться к бою. Теперь все без труда заметили движение в зарослях и силуэты людей. Незнакомцев разглядел даже возившийся с приборами док Голиков – пожалуй, самый необычный ученый во всех квест-группах; воспитанный в генеральской семье, однако вопреки мнению папаши, не ставший офицером, но все равно больше похожий на бойца, чем на академический довесок.

Несколько человек ломились сквозь джунгли, не разбирая дороги, будто бы убегали от крупного хищника или превосходящих сил врага. Причем бежали они как раз с той стороны, где сейчас могли находиться умыкнувшие пакаль аборигены. Или это и были те самые тайские партизаны?

Кобельков прикинул маршрут, расстояние, скорость передвижения беглецов и время – вроде бы все сходилось, улизнувшие были партизаны возвращались. Но кто заставил их так рисковать, кто напугал их настолько, что они фактически вернулись к позиции квестеров?

Гринмены? Мутанты обычно не заходили на территорию земных растений, да и открытые водоемы они не любили, как не любили открытую воду и все прочие порождения загадочного мира, лежащего по ту сторону здешнего пространственно-временного разлома. На берег все-таки высадились вояки? Тоже маловероятно. По рассмотренным выше причинам они даже ради пакаля не стали бы проявлять инициативу. По приказу командования – еще подумали бы, а сами – нет.

Пока Кобельков шевелил извилинами, силуэты аборигенов исчезли в густых зарослях, но очень скоро вновь появились, только уже в тылу квест-группы. Квестеры дружно развернулись кругом и, наконец, поняли, из-за чего разгорелся сыр-бор. В данном случае – сырые джунгли. Аборигены догадались, наконец, броситься врассыпную, и трое из них выскочили на поляну, у опушки которой затаились кирсановцы. Дескан на поясе у Кобелькова тут же непрерывно запищал. То есть, у кого-то из этих трех партизан при себе и впрямь имелся пакаль. А вот в ребусе «кто преследователь» Кобельков не угадал ни одной буквы.

Это был не гринмен и даже не гринбист – зараженное зеленой чумой животное. Но это был и не человек. В общих чертах – гуманоидное существо, но именно существо. Огромное, под три метра ростом, с зубастой пастью и то ли покрытое роговыми пластинами, то ли облаченное в странные доспехи. Мчалось оно по пятам перепуганной троицы партизан, причем свой кроваво-красный светящийся глаз существо положило определенно на левофлангового беглеца.

Кобельков бросил взгляд на экран дескана. Пожалуй, пакаль был в кармане именно у левофлангового. Что ж получалось, эта жуткая тварь тоже охотилась за пакалем?

«Конкурент? Фигу с маслом ему, а не пакаль!»

Командир группы вскинул автомат и выстрелил. Квестеры расценили это как приказ открыть огонь и тоже принялись поливать свинцом несущееся во весь опор чудовище.

Шквальный огонь из четырех стволов, да еще с минимальной дистанции, должен был по всем раскладам остановить чудище, но существо даже не притормозило. Между тем Кобельков ясно видел, что роговые доспехи не спасали его от свинца. Несколько пуль пробили защиту чудовища, а две-три даже прошли навылет, и это было больно по-любому. Но тварь не затормозила, разве что пригнулась, пытаясь спрятаться за бегущим перед ней человеком.

В итоге существо все-таки реализовало свой замысел – схватило улетающего тайца за шиворот и тут же прыгнуло влево, под прикрытие зарослей.

– Хрен ты угадал! – крикнул Кобельков и бросился следом.

Смысл реплики был предельно ясен. Существо двинулось в сторону реки, под прикрытие нормальных деревьев, и преследовать его квестерам не могло помешать ничто, кроме страха. Но когда кирсановские квестеры кого-то боялись? Чудищ бояться – в квест не ходить. К тому же все четверо уже поняли, с кем имеют дело.

Здесь, в четвертой зоне, появление этого существа выглядело странным, но это другой вопрос. Главное, что зверь был идентифицирован. Это была тварь из разлома номер 29 – того, что возник полгода назад под Киевом, поблизости от печально знаменитой Чернобыльской зоны отчуждения. По данным ЦИК, подобные твари хорошо защищены, особенно их вожаки, но все-таки не бессмертны. И это было важнее всего.

«А каким ветром сюда занесло это чудовище – можно обмозговать позже».

– Точнее бейте! – крикнул на бегу Кобельков. – В глаз, как белку! На морде у него брони нет!

– Ни хрена се... «белочка», – сбивая дыхание, проронил Опеков. – Сколько ж надо выпить, чтоб такая пришла?!

– Вправо забирает! – крикнул Красько и бросился твари наперерез.

– Даня, отставить! – рявкнул Кобельков.

Но стрелок его не послушался. Он вдруг ускорился и прыгнул, с явным намерением врезать твари прикладом в висок. Существо резко отмахнулось, но не голой рукой, а вычурным кинжалом средней длины.

Клинок иноземного оружия оказался заточен чересчур хорошо. Во всяком случае, Красько не спас ни бронежилет, ни приклад автомата, подставленный в последний момент под удар. Кинжал перерубил приклад, пробил броник и вскрыл бойцу живот чуть выше пупка. Квестер рухнул на землю и конвульсивно задергал ногами.

– Зар-раза! – взревел Кобельков и вскинул автомат, но тут на линию огня вылез Голиков.

Пока командир давал растерянному доку пинка, тварь успела обыскать пленного тайца, отшвырнуть его в сторону и скрыться за ближайшими деревьями. Вся надежда была теперь на Опекова. И Степан почти не подкачал. Стрелок уложил три пули точно в цель, да вот беда, так и не попал твари в голову. Единственное, чего он добился, – отрезал зверюге путь к реке. То есть вновь заставил тварь двинуться напрямиком на Кобелькова и дока.

Командир вскинул оружие, прицелился, выстрелил, но промазал. Невероятно, но факт. Тварь вдруг ушла вниз, нырком продвинулась вперед и сбила обоих квестеров с ног. Кобельков успел сгруппироваться и потому исполнил почти полное сальто, а вот Голиков взлетел вверх, как тряпичная кукла, и приземлился плашмя, на спину. Хорошо еще не на голову. Зверь между тем продолжил свой путь, на этот раз в сторону аномальных зарослей.

Но где минусы, там и плюсы. Разлетевшиеся, как кегли, квестеры больше не мешали Опекову вести огонь, и Степан воспользовался этим в полной мере. Он принялся гвоздить по существу и прибил бы его к ближайшей пальме, но тварь неожиданно вновь упала, проехала на животе пару метров, а когда поднялась... это была уже никакая не тварь, а вполне нормальный человек: светловолосый, с европейскими чертами лица, да еще в квестерском камуфляже.

Более того! «Человек» вдруг обернулся, и Степан замер с отвисшей челюстью. На него смотрел... Даня Красько! Тот самый стрелок, который десять секунд назад рухнул в заросли почти перерубленный пополам жутким тесаком пришельца. Понятное дело, Опеков прекратил огонь и вытаращился на «подмену», силясь понять, какой такой фокус он только что увидел.

Кобельков к тому времени успел подняться и развернуться, поэтому за метаморфозами твари наблюдали оба квестера. Но, в отличие от Степана, командир примерно понимал, что он видит. Лидеры тварей из аномальной зоны 29 были способны замаскироваться под любого, с кем вступили в контакт. Не мимолеетный, нет. Чаще всего процесс копирования занимал какое-то время. То есть в теории полноценно прикинуться Красько тварь не могла. Но на практике хотя бы внешность стрелка она скопировала мгновенно. Чтобы сбить людей с толку и выиграть пару драгоценных секунд, этого оказалось достаточно.

«Теперь точно не отпущу! – решил Кобельков. – Получи, сволочь! За Даню!»

Квестер потянул спусковой крючок, но выстрела не последовало. Магазин штатного «Хеклера» был пуст. Пока Кобельков перезаряжал оружие, тварь успела сменить позицию и проворно подобраться к доку. В новом облике существо вполне могло спрятаться за человеком обычных габаритов. Так оно и поступило: рывком поставило дока на ноги и прикрылось им, как щитом. А еще оно вооружилось голиковским автоматом.

Как дальше могли повернуться события, вопрос без ответа. Все вроде бы пошло через одно известное место, но это было даже хорошо. Ведь когда все идет через задницу, надо действовать быстро, без раздумий и сомнений; на рефлексх, чутье и человеческой непредсказуемости. И как раз этот набор, а в особенности последний его компонент, обеспечил людям преимущество перед тварью. И квестерам, и аборигенам.

В зарослях позади существа вдруг заверещали попрятавшиеся было аборигены, а слева из кустов выбрался тот самый партизан, у которого зверь, предположительно, отнял пакаль. Таец поднял мутноватые глаза на Кобелькова, квестер встретился с ним взглядом и кивнул. За

доли секунды и без лишних слов командиры договорились действовать вместе. Общий враг, как говорится, «маст дай», а там посмотрим.

Тайский партизан дал своим бойцам отмашку, и те без колебаний бросились на чужака, вопя и размахивая оружием, как дубинами. Чужак все-таки сумел отмахнуться, но при этом выпустил дока, автомат выронил и вообще заметно растерялся от такого натиска. Под градом ударов прикладами и штыками он был вынужден податься в заросли и снова задать стрекача. В человеческом облике бежал он не так быстро, как в предыдущей своей ипостаси, но все-таки сумел оторваться и первым выскочить на оперативный простор – большую вытянутую поляну на стыке аномальных джунглей и прибрежных зарослей. Группа Кобелькова до тех мест пока не добиралась, поэтому командир не знал, что там может ожидать, но проводить разведку было некогда. Да и тайцы бежали по следам «чужака-трансформера» уверенно, а значит, просвечивающая между деревьями поляна не была территорией гринменов. Скорее всего, это своего рода нейтральная полоса.

«Что ж, тем лучше, – подумалось Дмитрию. – Можно открыть шквальный огонь с ходу. Хотя, опыт подсказывает, что это будет слишком жирным везением. Не станет этот хитрый гад подставляться. Наверняка там есть какая-то загогулина. Овраг, например, или стеночка обваленная да зеленью поросшая, за которой он сможет укрыться».

Опыт не подвел. На просторной поляне не было руин или траншей, но зато имелаась огромная, замаскированная травой и какими-то тропическими лопухами воронка. В диаметре она имела метров сто, не меньше, а глубиной в три человеческих роста. Причем склоны воронки были достаточно крутые, чтобы незадачливый путник кубарем скатился под откос. Удержаться на таком склоне было нереально.

На склонах воронки травы было мало, словно эта яма образовалась недавно и зелень еще не успела толком прорасти, а на дне никакой травы не оказалось вовсе. Но по другой причине. На дне не было и земли, сплошной камень. Ровную желтовато-серую каменную плиту лишь по краям, ближе к осыпям крутых склонов воронки, покрывали комья земли. Ближе к центру она выглядела вполне прилично, а в центре на ней и вовсе не было даже пыли. И это позволило Кобелькову разглядеть украшающий плиту орнамент.

Вырезанные в камне ровные глубокие желобки образовывали правильный геометрический узор – сетку с квадратными ячейками. И внутри каждой клетки-ячейки был вырезан рисунок.

Командиру квест-группы увиденная картина была ясна и понятна, как божий день. Перед ним, на дне гигантской воронки, покоилась циклопическая доска пакалей. Плакат с изображением чего-то похожего, только в натуральную величину, где каждая клетка по размеру соответствовала размерам пакаля, украшал стену комнаты для инструктажа в учебном крыле здания ЦИК. Любой командир и большинство рядовых квестеров знали все основные признаки доски пакалей и какие на ней должны лежать «фишки». О последовательности расположения «фишек» речь пока не шла, ее определяли хаотичные, на первый взгляд, сплетения линий на обратной стороне пакалей, и «состыковать» удалось пока лишь несколько артефактов, но какие рисунки имелись в каталоге, Дмитрий помнил назубок. Вот и сейчас он смотрел на увеличенную в классические сорок восемь раз доску и видел знакомые рисунки. Не все были знакомы, но многие.

Не понимал Кобельков лишь трех вещей: для чего нужна такая огромная доска и если есть она, существуют ли такие огромные пакали, а еще – кто ее откопал и зачем?

– Ни фига се... – шумно выдохнув, проронил Опеков, останавливаясь рядом с командиром. – Что это за надгробие? Памятник навсегда потерянным пакалям?

– Невероятно! – вырвалось у Голикова, который припозднился, но все же догнал товарищей и тоже затормозил на краю ямы, только значительно левее.

А еще левее из зарослей выглянули тайцы. Их командир вскинул руку, приказывая всем остановиться, и что-то пролопотал на своем языке. Слов квестеры не поняли, но оттенок разочарования в голосе тайца уловили. На самом деле замаскированный под человека чужак был недалеко. Он прыгал по каменным «классикам» в полусотне метров от преследователей, чуть дальше центра плиты. И квестеры, и партизаны могли легко подстрелить врага, но тайцы даже не думали поднимать оружие.

Кобельков встретился взглядом с командиром партизан. Тот отрицательно помотал головой.

– Чего он брылями трясет? – Степан поднял винтовку и взял убегающего врага на прицел. – Завалить зверюгу, командир?

– Отставить, – Дмитрий, по-прежнему глядя на тайца, вопросительно поднял бровь.

Партизан указал на плиту, а затем сделал странное движение ладонью, будто бы показывая, как ползет змея или... змеится трещина? Кобельков опустил взгляд на плиту. На поверхности камня не было никаких трещин. Даже намеков на них не было.

– Уходит, командир! – проронил Опеков. – Опять ускользнет, сволота! Разрешите!

– По ногам сможешь? – принял решение Дмитрий. – Надо взять его теплым.

– Попробую!

Практически сразу хлопнул выстрел, а в следующее мгновение произошли сразу три события. Тайцы хором заверещали и попятились в заросли, беглец, получив пулю в мягкое место, споткнулся и упал на колени, а плита вдруг заскрежетала, как навалившийся на рифы корабль. Секундой позже от крутых стенок воронки отразились оглушительные хлопки. Но теперь это были вовсе не хлопки выстрелов. Это плита лопалась и шла трещинами, как и предупредил таец. Квестеры от такой музыки рефлексивно зажали руками уши и даже невольно присели.

Трещины стремительно разбегались от того места, где рухнул подстреленный беглец, добирались до склонов ямы и останавливались, но не замирали, а начинали расти вширь. Каменные обломки кренились, словно льдины, местами уходя вглубь земли, а местами, наоборот, вставая на дыбы. Очень скоро вместо ровной узорчатой плиты взору квестеров предстало хаотичное нагромождение каменных обломков.

– Твою мать! – крикнул Степан, когда грохот и скрежет немного поутихли. – Что случилось?!

– Не надо было стрелять! – крикнул в ответ Голиков.

– Я уже догадался! – Опеков кивком указал на центр ямы. – Надеюсь, нашего клиента эти жернова в пыль перемололи!

– Нет! – Голиков указал примерно на то место, где находился враг до начала «ледохода». – Там между плитами провал! Он в него прыгнул! Идите сюда, отсюда лучше видно!

Квестеры подошли к Голикову и убедились, что док прав. В огромную трещину при желании можно было пропихнуть грузовик, а не то что замаскированное под человека существо. Но зачем он прыгнул в этот провал?

– Чернота, как в разломе, – вытягивая шею, словно собравшись заглянуть в трещину, проронил Опеков. – Надеюсь, и глубина нехилая. Если эта тварь не сломает себе шею, Даня погиб зря!

– Он жив, – заметил док.

– Кто? Этот гад?

– Даниил. Он жив. Рана большая, но... выглядит она страшнее, чем есть на самом деле. Рассечены кожа и мышцы брюшной стенки, но печень не задета, селезенка тоже, кровотечение умеренное. Главная проблема – болевой шок, но я успел вколоть противошоковую смесь и наложил что-то вроде повязки. Думаю, он выживет.

– Когда успел? – удивился Опеков.

– Это секундное дело.

– Так это ж отлично! Надо его вытаскивать!

– Да, конечно, – Голиков обернулся к Дмитрию. – Возвращаемся?

– Так точно, – Кобельков сделал пару шагов назад, развернулся кругом и почти двинулся обратно в заросли, как вдруг в спину ему ударила новая звуковая волна. Воздух качнулся настолько резко, что Дмитрий даже споткнулся и едва не упал на колени.

Командир квестеров обернулся и помахал рукой перед носом, разгоняя пыль. Она почти не поднялась во время «ледохода», зато теперь повисла над ямой плотным облаком. Разглядеть, что произошло в воронке, не было никакой возможности. Но Кобельков все-таки жестом придержал товарищей. Пыль оседала быстро.

Когда видимость восстановилась, у квестеров невольно отвисли челюсти. Никакого нагромождения обломков в яме не было. Ее дно снова покрывала ровная каменная плита с вырезанной на ней гигантской доской пакалей!

– Ни трещинки, – заметил Опеков. – Чумовой фокус.

– Хуже, – Кобельков покачал головой. – Вон в том квадрате был кинжал, а теперь петля. Плита не просто восстановилась. Она еще и поменяла код.

– Ты думаешь, расположение пакалей – это код? – заинтересовался док. – Код чего?

– Наверное, код доступа в этот разлом, – Кобельков пожал плечами. – Прыгаешь на определенные квадраты, и плита открывается. Как-то так.

– В этой зоне уже есть разлом, – Голиков взглядом указал в восточном направлении. – На башне. В зонах не бывает по два разлома.

– Не бывало, – поправил его Кобельков. – Но спорить не буду, док. Может, это и не разлом, а что-то другое. Ясно одно: это как-то связано с Игрой «серых».

– Тоже бездоказательно, – поморщившись, возразил Голиков. – Нет, доска пакалей... вернее, вот это ее изображение... безусловно связано с Игрой. Но «серые» могут и не знать об этом странном месте и о том, что находится под плитой.

– «Серые» знают все, включая код доступа под плиту, – Дмитрий махнул рукой. – Уходим! Быстро, быстро! Пока нашего Даню гринмены не схомячили.

– Эт точно! – воодушевился Опеков и торопливо двинулся за командиром. – Слетятся на запах крови, а Данька и отбиться не сможет. С выпущенными кишками-то...

– Постой, а почему ты решил... – док чуть замешкался, задумавшись над словами командира, а поэтому опять отстал и был вынужден задавать вопросы на ходу, – что «серые» все знают?

– Потому, что я видел «серого», – просто ответил Кобельков.

– Где?!

– Посреди воронки. Поначалу я не понял, это длилось долю секунды, но теперь уверен, что нашим противником был «серый». В последний миг, когда под ним разошлась плита, он сбросил все маски и стал собой, а не тварью из Чернобыля или двойником Дани.

– Надо срочно сообщить на базу, – задумчиво озираясь, сказал Голиков.

– Сообщите, сдадите Даню докторам и сразу назад, – Кобельков вдруг замер на месте. – Я подежурю здесь. Не заблудитесь?

– Зачем, командир? – Голиков посмотрел на Дмитрия искоса. – Это опасно и против всех инструкций.

– Этого требует оперативная обстановка, – твердо заявил Кобельков. – Если плита пропускает в ту сторону, она может пропускать и в эту. И неизвестно, кого или что она пропустит.

– Скорее всего, «серых», – сказал Опеков. – Этот хрен четко по цели шел. Значит, не надеялся с нами на хвосте до разлома добраться и рассчитывал именно на эту лазейку. А раз так, и вернуться он может этим же путем.

– А где появляются «серые», там и пакали, – продолжил мысль Кобельков. – Научный факт. А главная задача квестеров Центра Изучения Катастроф заключается в чем?

– Любой ценой добывать и доставлять в ЦИК пакали, которые господин Кирсанов разложит на доске пакалей, чтобы остановить Сезон Катастроф, – выдал заученную фразу Степан и, немного подумав, добавил: – И получать за это хорошие деньги.

– Все верно, – Кобельков потрепал снайпера по плечу. – Остаюсь дежурить. Приведете еще группу, будет хорошо, я нежадный, поделюсь премиальными легко. Шагайте, скоро темнеть начнет. А в темноте здесь даже по воде опасно передвигаться, все-таки не деревенский пруд, а река посреди джунглей.

– Так ведь и сидеть тут не в кайф, – Опеков оглянулся на аномальные заросли по другую сторону поляны. – Такого можно насмотреться за ночь, потом месяц снится будет.

– Переживу, – спокойно ответил Кобельков. – До встречи, парни. Бегом, марш!

Часть первая: Вершина и ветер

1. Приграничье Зоны 52 (Аргентина) – борт чартера ЦИК

Перемещение между Зонами разломов с помощью нехитрой процедуры сложения пакалей – это очень удобный способ путешествовать, но в нем имеется один большой минус. Даже опытный «прыгун» не может наверняка предсказать, куда его забросит пришпоренная пакалями Судьба. Кажется, что если нет выбора, куда бы ни забросила, все лучше, чем застрять по уши в каком-нибудь дерьме. Но это, если тебя перебросит, допустим, с наводненного ходячими мертвяками Острова Z в относительно безопасный Пакистан. А, например, когда ты вроде бы удачно уходишь из-под смертельного удара, но оказываешься без теплой одежды в центре Антарктиды, легче отнюдь не становится.

В случае группы Андрея Лунёва очередной прыжок между Зонами вроде бы прошел по благоприятному сценарию. Переместились из Зоны 55, под Омском, в Зону 52, неподалеку от Буэнос-Айреса. Никаких экстремальных перепадов температур – в Омске стояло лето, а в Аргентине зима, но какая зима в джунглях? – и под ногами оказалась твердая почва, а не палуба корабля в открытом море, как было в сорок четвертой зоне. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Вскоре группа вляпалась в прямом смысле в крупные неприятности. Ими стали паучьи сети, развернутые везде и всюду аномально огромными (явно выползшими из местного разлома) тварями. Квестеры едва не задохнулись, когда их плотным слоем покрыла прочная и липкая паутина. Хорошо, что до границы зоны оказалось не так уж далеко и на выручку пришли бойцы местного квест-отряда ЦИК. «Амигос» вынесли квестеров буквально на руках, помогли очиститься от паутины и прийти в себя.

После приключений в Омской зоне, а затем еще и такой встряски в джунглях следовало отдохнуть, но Андрей Лунёв решил не брать паузу для передышки. Тайный покровитель группы, «серый», известный квестерам как Мастер Игры, ждал результата. Ему требовалось оружие, способное устранить дерзкого претендента на кресло Мастера. Пока что Лунёв и его товарищи сделали только часть работы. Они выяснили то, что требовалось для успешного выполнения задания – как такое оружие устроено, однако упустили того, кто должен был помочь – инженера по фамилии Кукумберг. Только он был способен это оружие сконструировать и создать.

Впрочем, Андрей не собирался опять рисковать и прыгать с помощью пакалей обратно в Омскую зону, где потерялся след инженера. Во-первых, как сказано выше, он пока не настолько хорошо владел «инструментом», чтобы задавать точные координаты точки прибытия. А во-вторых, человеческие силы не бесконечны. Группе была жизненно необходима передышка. Вот почему Лунёв и решил совместить необходимое с полезным. Он попросил местного координатора ЦИК выделить ему борт. Авиаперелет был одновременно и паузой для отдыха, и временем для обсуждения новой операции. А еще эта пауза была хорошим моментом для личных размышлений и переосмысления текущей партии Игры. Именно этим Андрей занялся в первую очередь, еще в машине, по пути из приграничья Зоны 52 к аэропорту Сан-Фернандо на окраине Буэнос-Айреса.

Для затравки он припомнил туманную подсказку Мастера Игры, которую тот дал группе на старте текущей партии:

«В начале было Слово, в конце Библиотека... – гласила первая строка подсказки. – Здесь все более-менее ясно. Квест начался именно с получения большого объема информации. Они всему Основа, но лишь до Края Века... И в этой строке не таится особой загадки. Краем Века, то есть не концом времен, а лишь этакой отсечкой, стало возмущение разлома в отдельно взя-

той Омской зоне. *Иллюзия Обмана коварней всех обманов...* С этим вообще все предельно понятно. В «карантинной» Омской зоне разлома «серый» Претендент пытался нас обмануть, прикинувшись жертвой, и применил довольно остроумную маскировку «под самого себя». А вот дальше... *Не заживают Раны гранитных Истуканов...* О чем это? Можно предположить, что под гранитными Истуканами подразумеваются попавшие в Омскую метаморфозу люди, но при чем тут незаживающие раны? Впоследствии у этих людей должны выявиться какие-то проблемы со здоровьем или нарушения психики? Непонятно. Равно как непонятно и все остальное. *Лягушка на Болоте счастливей всех на Свете...* Что за лягушка, почему она так счастлива? Может быть, это как-то связано с берегами, которые добыла группа Квест-13 в Австралии? Но, насколько я знаю, лягушка считается символом удачи и богатства не в Австралии, а в Китае...

*Тяжелая работа с Вершины слушать Ветер...
Прижмись к земле, почувствуй, как дребезжит
Основа...
Край Века за кормою, а дальше снова Слово...*

А эти три строчки, похоже, и вовсе задел на будущее...»

Лунёв свернул теоретические размышления и перешел к практической части. Анализ подсказки подтвердил, что квестеры действовали правильно, но продвинулись к цели пока от силы на треть. И поэтому Андрей больше не сомневался, что группе следует вернуться в Омск, чтобы поговорить с Кукумбергом. Ведь только он был способен сделать оружие против «серого», которое поможет продвинуться дальше.

Теперь схема этого «лучевого оружия» была предельно ясна и самому Андрею – четыре пакаля должны бросать «зайчики» на пятый пакаль, который и создаст верный «дважды отраженный» луч. Пятый – это «личный» пакаль Андрея. Во время Омской схватки с «серым» это было доказано. Но понимание схемы не означало, что Лунёв может сконструировать и изготовить реальный «гиперболоид», на порядок мощнее импровизированного прототипа и не зависящий от солнечного света. Для этого требовался Кукумберг, а он находился где-то в Омске: либо в гостях у координатора первичной базы ЦИК Бернштейна, либо у военных.

Машина резко затормозила, и встряска отвлекла Андрея от размышлений.

– Приехали, – выглянув в окно, сказала сопровождающая квестеров женщина с необычным именем Виталия, координатор местной первичной базы ЦИК. – Оружие придется оставить у меня или сдать пилотам. В остальном никаких ограничений.

– А «дьюти-фри» тут далеко? – поинтересовался Каспер. – Полет ведь долгий.

– В самолете есть все, что вам потребуется, – Виталия улыбнулась. – Это ведь наш самолет, он прекрасно оборудован. Спальные места, душевые, всевозможные запасы, развлечения. Фактически это небольшой летающий дом. В нем можно спокойно прожить хоть целый месяц.

– Месяц не месяц, а суток на трое я завалился бы в какую-нибудь берлогу, – Каспер мечтательно вздохнул. – Когда нормально спал, уже и не припомню.

Ворота сдвинулись в сторону, машина въехала на территорию, покружила по закоулкам, следуя малопонятной аэродромной разметке, и остановилась у трапа большого лайнера. Виталия выдвинула из-под сиденья дюралевый ящик, открыла и жестом предложила квестерам сложить в него оружие. Когда автоматы, пистолет, ножи и трофейный иноземный тесак были упакованы, Муха и Каспер ухватили ящик за ручки и выпрыгнули из микроавтобуса.

У трапа пассажиров встречали два стюарда и пилот. Парни приняли у квестеров оружейный ящик, а пилот молча пожал всем руки и жестом пригласил подниматься на борт. Сам он притормозил, чтобы обменяться с Виталией какими-то служебными документами.

Андрей шагнул на трап, но вдруг замер, обернулся и еще раз посмотрел на пилота. Тот сосредоточенно проставлял в прикрепленном к планшету листке какие-то галочки и цифры. Будто бы почувствовав взгляд Андрея, пилот поднял голову и одними глазами приказал пассажиру подниматься на борт.

Что конкретно в пилоте было не совсем правильным или необычным, Лунёв не понял. Но у Андрея почему-то возникло жесткое ощущение, что этот пилот чем-то напоминает... Мастера Игры. Может быть, имелось нечто знакомое в его фигуре или в манере держаться... сказать трудно. Но сходство присутствовало, это факт.

А еще к такому выводу подталкивали два других факта. Принимая человеческий облик, Мастер обожал рядиться в пилотов, вдобавок он только косился и молчал. Скорее всего, чтобы не выдать себя голосом.

«Но гораздо важнее другое, – Андрей развернулся и двинулся по трапу. – Мастер Игры не дает новых подсказок, бонусов или малусов. А значит, я сделал верные выводы. Мы выиграли бой, но не битву. Этап Игры не закончился. И Мастер готов помочь нам вернуться на игровое поле. Ну что ж, мы тоже готовы вернуться. Как всегда – не вопрос».

* * *

Костя Каспер не любил летать. Не боялся, нет, просто не любил. Способ перемещения в пространстве был удобным, спору нет, но лично для Каспера почему-то более утомительным, чем долгие путешествия на колесном транспорте. Что конкретно утомляло Каспера? Он и сам не мог понять. Наверное, полнейшее безделье. Энергичная натура свежее испеченного квестера требовала постоянного действия, смены впечатлений или хотя бы картинок за окном. А в самолете какие картинки?

Ну, пять минут можно поглазеть на облачные поля внизу, полюбоваться холодным чистым небом над ними, пощуриться от солнечных лучей. Еще пять минут можно поглазеть на пассажиров, полюбезничать со стюардессами, полистать журналы. А дальше что? Чем заняться? Даже час безделья нагонял на Каспера тоску, а уж трансатлантический перелет грозил и вовсе повергнуть квестера в полнейшее уныние. Единственным способом избежать этого было погружение в крепкий здоровый сон, но Касперу как назло не спалось. После встрясок в Омской зоне, а затем практически без паузы – в зоне под Буэнос-Айресом – в крови бурлил адреналин. Вроде бы прошло достаточно времени, чтобы успокоиться, но адреналин почему-то и не думал распадаться на составляющие. От этого Каспера по-прежнему слегка потряхивало и ему невыносимо хотелось двигаться.

Пытаясь снять напряжение в мышцах и успокоить нервы, Каспер после взлета полчаса бродил по салону самолета, но это не сильно помогло. Тело вроде бы расслабилось, но нервные подергивания не прошли. Заметив, что квестер слегка не в себе, один из стюардов, явно не впервые столкнувшийся с такой реакцией, сходил в свою кухоньку и прикатил тележку, на которой красиво поблескивал бокал с прослойкой виски между кубиками льда.

Каспер поначалу засомневался, прилично ли штатному квестеру квасить в одно лицо, но и это сомнение стюард разрешил легко и непринужденно. Он достал три пустых стакана и поставил рядом с приготовленной для Кости порцией горячительно-освежающего. То есть к распитию приглашалась вся квест-группа, но Лунёв и Муха дремали, а Бирик и вовсе похрапывал. Так что совесть Каспера теперь была чиста. То, что друзья как бы решили пропустить, не лишало Каспера права принять. Так он и сделал.

– Шотландский, – вдруг, приняв хавшись, проронил Муха, не открывая глаз.

– Налить? – спросил стюард.

– Нет, – Муха приложил палец к губам и повернулся на бок, насколько это было возможно в кресле. Глаз при этом он так и не открыл.

– А мне еще полстаканчика, – шепотом произнес Каспер и протянул стюарду свой бокал. – Что-то не спится. Лед не надо.

– Как скажете, – парень с пониманием усмехнулся.

Он поставил бокал на тележку, достал с полочки бутылку виски, но налить не успел. Неожиданно весь самолет задрожал, словно в приступе лихорадки, и стюарду пришлось остановить процесс, чтобы не расплескать напиток.

– Это что, турбулентность? – Каспер зачем-то заглянул в иллюминатор. – Мы где, над Атлантикой?

– Да, – ответил стюард. – Нормальное явление. Здесь частенько трясет.

– Главное, чтобы народ не проснулся, – Каспер перевел взгляд на спящих товарищей. – Вымотались все...

– Скоро закончится, – заверил стюард.

Вибрация действительно вскоре прекратилась, и парень все-таки налил Касперу «полстаканчика». Квестер отсалютовал ему бокалом, но выпить так и не сумел. Даже не успел донести до рта.

Каспер вдруг вытаращился в полнейшем изумлении на шторку, которая отделяла «переговорный отсек», нечто вроде бизнес-класса в обычном самолете, от остального салона.

Стюард, увидев странную гримасу на лице пассажира, обернулся и тоже замер.

Самолет в ту же секунду затрясся в новом припадке, более сильном, затем что-то оглушительно гроыхнуло, двигатели резко сменили тональность, а еще через миг наступила полная тишина. При этом никакого внутреннего ощущения, что самолет меняет высоту, у пассажиров не было. Как не было и ощущения движения вперед. Лайнер будто завис в воздухе.

Но ни стюарда, ни Каспера это все уже не удивило. Ведь они не только слышали и чувствовали, что происходит неладное, но еще и видели это. По узким перегородкам и занавеске, отделяя кабину и переднюю часть салона от остального внутреннего пространства самолета, медленно расплзалась черная клякса с подвижными краями.

Именно так выглядел типичный разлом реальности.

– Спокойно, – непонятно себе или стюарду хрипло сказал Каспер. – Это не на самом деле. Даже свет не погас и вентиляция работает. Это сон!

– Очень уж натуральный, – так же хрипло возразил стюард.

– Прилетели? – по-прежнему не открывая глаз, спросил Муха.

– Вроде того, – Каспер привстал и толкнул товарища в плечо. – Просыпайся! Мы влипли!

– Во что опять? – Михаил Мухин открыл глаза и в следующую секунду резко сел. – Твою мать!

Его возглас разбудил всех остальных и заставил, наконец, выглянуть из служебных помещений оставшихся в салоне членов экипажа – еще одного стюарда и стюардессу.

– Иван Дмитриевич! – почему-то воскликнула девушка и дернулась вперед, будто бы собираясь нырнуть в разлом.

– Соня, без паники! – Ее придержал второй стюард. – С командиром все будет в порядке!

– Он же... там... это ведь... разлом?!

– Это разлом, но на другой стороне все так же, как здесь, – вмешался заспанный Бибик. – Я много раз такое видел. Помню, на стене одного дома был разлом. Я обошел по кругу, в дом заглянул, а там, изнутри на этой же стене, такая же клякса и ничего больше.

– А может и вовсе ничего не быть, – предположил Муха.

– Тоже вариант, – Бибик кивнул. – Так что, барышня, ваш друг прав, незачем паниковать, пилоты, скорее всего, в порядке. Другое дело, что состыковаться с ними не получится.

– Можно наружу выйти и поверху до кабины добраться, – деловито заявил Муха. – Разлом за пределы самолета не выходит. Видите, где края трепыхаются? Внутри салона.

– Тогда лучше понизу, через багажный отсек и техническое пространство, – подхватил и развил идею первый стюард.

– А вот в пол разлом как раз уходит, – Муха покачал головой.

– Я проверю, – стюард откатил тележку в сторону.

– Вы... – стюардесса Соня судорожно вздохнула и нервно смяла полу форменного жакета, – так спокойно... рассуждаете! Это ведь разлом! Мы можем тут погибнуть!

– Ничего не случится, – Бирик добавил в голос басовитых уверенных ноток. – Самолет завис, но это мелочь.

– Мелочь?! – глаза у Сони округлились от возмущения.

– Конечно. Это ведь гарантирует, что он не упадет. И это главное.

– Почему вы так уверены?!

– Потому, что плавали, – ответил вместо Бирика совладавший с эмоциями Каспер. – На одном корабле тоже есть разлом, половина днища – одна большая черная дыра, а не тонет посуда. Даже не качается. Так и здесь. Хотя это, конечно, вдвое круче – на такой высоте, и вдруг разлом!

– В иллюминаторы кто-нибудь смотрел? – вдруг спросил молчавший до сих пор Андрей.

– Сейчас! – Каспер выглянул в окошко по правому борту.

Второй стюард тем временем прильнул к иллюминатору слева. За бортом разливался рассвет, поэтому видимость поначалу была приличная, но наблюдатели ничего примечательного не увидели. Чуть позже самолет окутала белесая дымка, и Каспер первым отлип от иллюминатора.

– Туман какой-то собрался. Как думаете, аномальный?

– Думаю, нас накрыл инверсионный след, – заявил второй стюард. – Мы остановились, а тянувшиеся за нами облачка по инерции продолжили движение. Скоро развеются.

– Поверим специалисту, – Каспер кивнул и обернулся к вернувшемуся из технического отсека первому стюарду: – Ну что там?

– Похоже, клякса расплзлась по всему просвету, – парень вздохнул. – И даже ниже.

– То есть, снизу разлом не ограничен корпусом самолета? – уточнил Андрей.

– Я не знаю, но похоже, что так.

– Ты это хотел выяснить? – Каспер кивком указал на окошко. – А зачем?

– Чтобы ясно представлять себе картину, – Андрей приблизился к разлому и внимательно изучил его края.

– Как же Иван Дмитриевич, Коля и Семенов? – вновь подала голос стюардесса. – Как мы с ними состыкуемся?

– А надо? – на девушку искоса взглянул Каспер.

– Вы серьезно?! – Соня похлопала глазами. – Их надо выручать!

– А может, нас надо выручать?

– Вы действительно не понимаете или прикидываетесь?! У нас тут все, а у них одна бутылка воды на троих! Даже завтрака нет!

– А, ну в этом смысле... – Каспер кивнул, – тогда их надо выручать. Не слишком срочно, конечно...

– Холодно там, блин, и давление низкое, но если постараться... – произнес Муха задумчиво.

– Ты реально собрался попасть в кабину снаружи? – удивленно спросил Каспер. – Ты долбанулся? Как ты выберешься на крышу... или как ее правильно назвать? И как потом в кабину попадешь? Мало того, что это нереально, так за бортом еще и мороз минус пятьдесят! И разгерметизация будет! Очнись!

– А какие варианты? – Муха невозмутимо взглянул на Каспера и пожал плечами.

– Так, стоп, – вмешался Бирик и поднял руки, как рефери, разнимающий готовых сцепиться хоккеистов. – Куда-то вас понесло... не туда. Никакой самодеятельностью мы заниматься не будем. Сейчас Андрей достанет пакали, мы возьмемся друг за друга и умоаем отсюда в один миг.

– А как же пилоты?! – вновь возмутилась Соня. – Мы отсюда упакаим, а они что, пусть погибают от голода?

– Могут и от холода, – заметил Муха. – Или задохнутся. То, что в салоне не вырубился свет и почему-то по-прежнему работают кондиционеры, ничего не значит. Все может вырубиться в любой момент.

– Я и говорю! Это же кошмар!

– Спокойно, барышня! – Бирик повысил голос. – Мы внимательно посмотрим и запомним, какие конкретно артефакты, в каком положении и с какой силой Андрей столкнет! Это поможет подготовленной и экипированной спасательной команде прыгнуть прямиком сюда. Устраивает вас такой план?

– Нет! Спасатели должны прыгать не сюда, а в кабину! И когда это случится? Через сутки? А вот товарищ сказал, что все может вырубиться в любую минуту!

– Мы сделаем все, чтобы спасатели прилетели... точнее, прыгнули сюда, как можно скорее.

– Неужели нет другого варианта?!

– К сожалению, нет, – спокойно завершил спор Лунёв и достал из кармана пакали. – Вы все по-своему правы. Но в первую очередь прав Бирик. Оставаться рядом с разломом опасно. Это аномальное явление. То есть вещь по определению непредсказуемая. Невозможно предугадать, что может случиться в любую секунду. И единственная защита в такой ситуации – расстояние. Нам следует немедленно покинуть зону разлома. Подойдите все, возьмитесь за меня, будем прыгать отсюда куда подальше.

Каспер первым выполнил приказ. Вернее, попытался его выполнить. Он встал с кресла, сделал шаг к Лунёву, даже протянул руку, но ухватиться за ремень, как делал это обычно, когда предстояло перемещение с помощью пакалей, Каспер не успел. Андрей вдруг резко обернулся и подался в сторону разлома, словно что-то услышал. В результате Каспер поймал лишь пустоту и тоже обернулся в надежде понять, что случилось.

Увидеть то же, что и Лунёв, квестер не успел. Заметил только нечто, мелькнувшее на краю поля зрения. Касперу показалось, что это была рука с зажатым в ней непонятным предметом. Будто бы кто-то на миг появился из разлома реальности и взмахнул рукой, а затем нырнул обратно в непроницаемую темноту. Каспер не смог разглядеть, кто это был и что за предмет он сжимал в руке. Костя уловил только два нюанса: одежда на незнакомце была не серая, а пятнистая, вроде устаревшего камуфляжа, и предмет в руке был не оружием. Даже на необычное, напоминающее эстафетную палочку или беспроводной микрофон оружие «серых» он не походил. Предмет имел форму необычного цветка, который в последний момент резко сложился в плотный бутон.

Но все это Каспер осознал позже. В растянувшуюся, как резина, секунду он понял гораздо меньше. Да если честно, он понял лишь одно: кто-то выглянул из разлома и атаковал квестеров. И сделал это в самый неподходящий момент – когда они собрались прыгнуть из опасной зоны «куда подальше», как выразился Андрей.

Лунёв все-таки сложил пакали, и все, кто был с ним рядом, попали в поле действия артефактов, но то, что случилось дальше, не укладывалось ни в какие рамки. Каспер вдруг почувствовал, что неодолимая сила буквально складывает его пополам, подкидывает и загоняет, как мяч в корзину, в узкий темный ящик. В пояснице что-то хрустнуло, правое колено ударило в нижнюю челюсть, и Костя почувствовал себя консервированным овощем – в тесной банке,

неспособным двигаться и, вероятно, обреченным задохнуться и прокиснуть в ближайшие пару минут.

Каспера охватила паника, он попытался двигаться, даже биться в стенки темницы и, как ни странно, у него получилось. Ящик, в который он «сыграл», оказался не таким уж тесным и прочным. Сначала стенки откликнулись пластмассовым гулом, затем затрещали, и после того, как ему удалось двинуть в стенку левым коленом, ящик почти открылся. Крышка оказалась боковой. Чувствуя, что она подается, Каспер еще раз двинул коленом и добавил локтем. Крышка пошла вперед и вверх, Каспер подтолкнул ее рукой, но не рассчитал, ударил слишком сильно, а потому подался вперед и вывалился из ящика.

Снаружи было светло и тепло, но обрадоваться этому Каспер не успел. Оказалось, ящик был закреплен на довольно приличной высоте, почти в человеческий рост. Вот с этой высоты Костя и рухнул на покрытую войлочной подстилкой, но все равно достаточно твердую поверхность.

* * *

Андрей так и не понял, успел ли кто-то взяться за ремень. Квестеры протянули руки, да и стюарды с Соней вроде бы тоже подались в сторону Лунёва, но чем это закончилось, Андрей не увидел и не почувствовал. Ровно в эту же секунду ситуация вдруг резко изменилась. Из разлома частично появился некто в камуфляже и с непонятной штуковиной в руке.

Разглядеть пришельца или принесенный им предмет Лунёв не успел, несмотря на свою хваленую реакцию. Но незнакомец, похоже, и не появлялся полностью. Из беспросветной черноты показались половина тела и часть лица, пришелец направил на Андрея странный предмет и тут же подался назад.

Загадочный предмет в руке у неизвестного напоминал бутон серебристого цветка, который вмиг раскрылся, а затем так же мгновенно сложился. И все. Никаких спецэффектов, вроде звука выстрела или вспышки не было. Был просто бесшумный всплеск лепестков странного «цветка». А вот последствия, в отличие от спецэффектов, были.

Во-первых, Андрея отбросило назад, прямиком на угловатый передвижной столик, на котором стюард привозил напитки Касперу. Лунёв опрокинул столик и крепко приложился к нему затылком. От удара у него даже на миг потемнело в глазах.

Во-вторых, Андрей невольно брякнул пакалями. Именно так, не сложил их, не ударил, как в миниатюрные литавры, а слегка брякнул вещами друг о друга. Может быть, поэтому дальше все получилось не как хотелось, а как попало – в прямом смысле.

Пакали не сработали. Точнее, они сработали, но вовсе не так, как Лунёв ожидал. Никакого перемещения в безопасное место не произошло. Андрей как был, так и остался в салоне самолета, на полу рядом с опрокинутой тележкой, только с другой стороны, метра на два ближе к хвосту салона. И, как оказалось, это был лучший вариант из нескольких возможных. Все, кто был поблизости от Лунёва, попали в гораздо более щекотливые ситуации, а некоторые и вовсе в беду.

Андрей резко сел, ощупал ссадину на затылке и оглянулся.

В поле зрения остался только Бибик. Невидимый и бесшумный «выстрел» непонятного оружия, похоже, зацепил и его. А быть может, квестер пострадал из-за сбоя в работе пакалей, Андрей не понял. Так или иначе, Бибик был в нокдауне. Его отбросило в сторону, прямиком на люк левого запасного выхода, и бывший полковник врезался головой в иллюминатор на двери. Да так прилично врезался, что даже проломил защитный пластик на иллюминаторе. Теперь Бибик медленно приходил в себя, сидя на полу спиной к двери.

Андрей оперся о ближайшее кресло и встал, но тут же снова присел, чтобы поднять выпавшие из рук пакали. Один лежал прямо перед ним, а вот второй куда-то закатился. Лунёв

пошарил взглядом и одновременно ощупал карманы. Три пакаля были на месте. Вместе с поднятым – четыре. А вот пятый как в воду канул. Причем по закону подлости потерялся самый ценный артефакт, так называемый «джокер».

Лунёв снова привстал, надеясь обнаружить вещицу чуть дальше, где-нибудь на уровне запасных выходов или у разлома, но ничего не обнаружил. Зато он вдруг понял, куда запропастился еще один из его спутников. Багажная полка почти над ухом у Лунёва внезапно закрипела, затряслась, а чуть позже загудела от удара. Били изнутри. Андрей протянул руку, чтобы открыть ящик, но не успел этого сделать. Изнутри последовал еще один удар, и дверца распахнулась. А следом из багажного ящика вывалился Каспер. Андрей ринулся было, чтобы подхватить пикирующего на пол товарища, но вновь не успел. Костя мешком рухнул на пол и застонал.

– О-о, как больно! – Каспер повозился, пытаясь принять удобное положение. – Я спину сломал! Ног не чувствую!

– Спокойно, – Андрей присел над квестером. – Попробуй согнуть левую. Теперь правую. Все работает, ты просто ушибся.

– Где эта сволочь?! – вдруг пронесся по салону грозный вопль. – Яйца ему оторву!

Следом за воплем по салону, едва не затоптав приятелей, пронесся и тот, кто его издал. Это был Муха, который невольно перешел в режим полувменяемого и абсолютно невежливого, но зато очень быстрого и сильного бойца. Его ураганный забег каким-то чудом завершился до разлома. По идее, набранная Мухой скорость должна была сыграть с ним злую шутку, но Михаил успел в последний миг зацепиться за спинку кресла и сменил траекторию. В результате он распластался по борту, а точнее, по двери правого запасного выхода, точно напротив Бибика. Муху заметно трясло, но в глазах у него довольно быстро появились проблески мысли. Все-таки тренировки на протяжении четырех предыдущих квестов не прошли даром, Михаил научился достаточно быстро брать себя в руки.

– Есть подозрение, что не в сволочи дело, – сказал Андрей и помахал рукой у Мухи перед носом. – Ты меня видишь? Муха, ты здесь?

– В порядке... – хрипло выдохнул Мухин. – Что это было? Я сквозь пол провалился. Этот... из разлома дулю свою направил... я моргнуть не успел, как – бац! – и лежу в багажном отделении.

– Значит, не померещилось, – Андрей кивнул. – Уже хорошо.

– Я тоже... видел, – простонал Каспер. – Спина болит! Андрей, у меня позвоночник точно не сломан?

– Анальгина у стюардов попроси, – посоветовал Муха, отлепляясь от стенки. – Где они, кстати?

– Я здесь, – подал голос один из стюардов. – Под сиденьем... меня зажало... шее...

– Вот это номер, – заглянув под сиденье, проронил Муха. – Как ты туда забрался? Тут ведь промежуток... голову никак не просунуть. Туловище – и подавно. А ты, получается, либо то, либо другое все-таки просунул.

– Я не знаю, как это получилось, но... ни туда ни сюда... – стюард смущенно хмыкнул, – как будто здесь родился и вырос...

– Материализовался, – вдруг подал голос Бибик.

– Очухался, – Муха обернулся к Бибику. – Как самочувствие?

– Ты сам себе ответил раньше, чем спросил, – ворчливо заявил Бибик. – Очухался. Я видел, что произошло на самом деле. Этот гад стрелял не во всех, только в Андрея. А разметало нас уже после, когда пакали стукнулись.

– То есть «упаковать» отсюда, как выразилась девушка, не вышло, – Муха невесело усмехнулся.

– Вышло, только не на ту дистанцию, – Бибик, кряхтя, поднялся, подошел и тоже заглянул под кресло. – Мы все сначала исчезли, как, впрочем, и полагается, но потом снова тут

материализовались. Железка крепкая, не отогнешь. Надо кресло отвинчивать. Пассатижи есть на борту?

– В подсобке... – прохрипел стюард. – Вы у Сергея спросите, он найдет.

– Сначала самого Сергея найти бы, – Бирик повертел головой. – Эй, экипаж! Сергей, Соня, вы где? Отзовитесь!

– Почему они молчат? – просипел стюард. – Может, они в багажном?

– Муха, они не в багажном?

– Не видел их там.

– Тогда боюсь даже предположить, – негромко произнес Каспер и взглядом указал на иллюминатор.

– Типун тебе, – буркнул Бирик и кивком велел Мухе выглянуть в иллюминатор.

– Чего там смотреть? – себе под нос пробормотал Муха. – Если их туда выкинуло, то кирдык. Смотри – не смотри...

– Муха, без комментариев, – строго приказал Андрей. – Что видишь?

– Облака, – Муха выглянул в иллюминатор. – И все, пожалуй. По левому борту чисто.

Он переместился к правому борту.

– Здесь тоже облака... – Муха вдруг встрепнулся. – Ох, ты, еж! Деваха наша загорает! На крыле!

– Какой там загорает, минус полста за бортом! – К иллюминатору, забыв о боли в спине, подскочил Каспер. – Надо ее вытаскивать! В смысле – затаскивать!

– И разгерметизировать тут все? – Муха неодобрительно покосился на Каспера.

– Она же рядом, прямо перед дверью!

– И что это дает?

– Да мы быстро! Цап ее, и сюда! Не бросать же деваху там!

– Каспер, спокойно! – приказал Андрей. – Иди в подсобку, ищи пассатижи. Муха, постучи девушке. Она еще жива?

– Да вроде ничего, – Муха пожал плечами. – Даже странно. Там давление никакое, кислорода мало и холод собачий, а она... ну ежится, но не синее, озирается. Эй, красотка, алло!

Муха побарабанил по иллюминатору. Соня не услышала, но вскоре и сама сообразила, что лучше не озираться, а обратить внимание на иллюминаторы. Приседая, осторожно, по сантиметрам, она приблизилась к борту и заглянула в иллюминатор. И наткнулась взглядом на Муху.

В глазах у стюардессы отражался настолько натуральный ужас, что у Мухи с лица тотчас сползла циничная ухмылка. Он как мог ободряюще улыбнулся, кивнул и принялся бестолково жестикулировать, как бы объясняя Соне, что план ее спасения будет разработан с минуты на минуту.

– Пар почти не идет, – заметил Бирик, прильнувший к соседнему иллюминатору. – Она что-то говорит, но пара мало. И никакого инея. Не знай я, где мы зависли, подумал бы, что за бортом плюс десять, а не минус пятьдесят. И дышит она, смотрите, ровно. Значит, и давление с кислородом на уровне.

– Ну что, открывать? – Муха обернулся.

– Можно еще минуту-другую подождать, для надежности, – Бирик качнул головой. – Раз уж такое дело. Или не ждать. Андрей... что скажешь?

– Открываем, – решил Андрей. – Только пристегнитесь на всякий случай.

– Вы что... – прохрипел стюард, – нельзя!

– Я нашел пассатижи! – В салоне вновь появился Каспер.

– Не отвинчивай его пока, – сказал Муха. – Сядь, пристегнись.

– И на разлом поглядывай, – добавил Бирик. – Если вдруг появится тот гад...

– Я ему в нос, – деловито заявил Каспер. – С ноги!

– Ну да, – Бибик вздохнул, словно признавая, что идея бессмысленная. – Ладно, можешь не поглядывать.

– Ты открываешь, я затягиваю девушку, и сразу закрываешь, – сказал Андрей Мухе. – Бибик, страхуешь.

– Это идиотский эксперимент! – прохрипел стюард. – Вас вышвырнет из самолета, не успеете моргнуть! Вы с ума сошли!

– Мы-то? – в ответ ухмыльнулся Муха. – Это ты угадал. Сошли. И давно. Еще когда в квестеры подались.

– Ты не волнуйся, – к стюарду наклонился Каспер, – как тебя?

– Захар.

– Не волнуйся, Захар, все будет хорошо. Мы не в первой аномальной зоне. В них частенько такое бывает.

– Какое?! Хорошо и плохо меняются местами?! Законы физики по боку идут? Молодец-кая дурь побеждает логику?!

– Второй вариант. А что тебя удивляет? Это ведь Зона, дружок. Здесь важно только то, что ты видишь, ощущаешь, слышишь. Логично только то, что можно проверить на практике, здесь и сейчас, а любая теория тут – пшик, пустой звук, ноль без палочки.

– Законы физики работают везде и всегда!

– Это говорит человек, который материализовался с хомутом из кресла на шее, да еще внутри самолета, застрявшего в небе, словно комар в янтаре! – Каспер всплеснул руками. – Ты сам себя слышишь, Захар? В зонах разломов все законы физики приходится писать заново. А чтобы правильно их записать, нужны безумные эксперименты. Понимаешь, нет?

Захар не ответил, только возмущенно промычал что-то невнятное.

– Три, два, один! – отсчитал Бибик.

– Поехали!

Дверь распахнулась без малейших проблем. И с вызволением Сони из «воздушного плена» тоже не возникло особых сложностей. Андрею даже не пришлось выходить на крыло, чтобы помочь девушке. Она сама ввалилась в салон, едва не опрокинув спасателя.

Вместе с ней в самолет ворвалась волна свежего прохладного воздуха, но ни о каком «полтиннике» ниже нуля речь идти не могла. За бортом было от силы плюс десять, как и предполагал Бибик. И воздух был вполне пригодный для дыхания, не слишком разреженный. Андрей даже придержал Муху, когда тот начал, как договаривались, закрывать люк.

– Чего? – удивленно спросил квестер.

– Погоди, я что-то увидел, – Андрей выглянул наружу.

– А погодка тут ничего, – в люк выглянул и неугомонный Муха. – Туманно, но не как в приморье. Сухой туман, не зябкий. Что ты увидел?

– Вон там, гляди, – Андрей указал вперед, почти на самый край огромного крыла.

– Туман мешает, – Муха вытянул шею. – А-а, вижу... похоже на... пакаль? Местный? Или один из твоих?

– Пока не знаю, – Андрей решительно выбрался на крыло.

– Я с тобой, – Муха тоже шагнул наружу.

– Стоять! – рявкнул из салона Бибик. – Вы, конечно, орлы, но это ведь только в душе! Крыльев-то у вас нет!

– Все нормально! – отмахнулся Муха. – Сам же видишь, здесь не опасно.

– Ты думаешь, если тут тепло и дышится легко, падать будет тоже комфортно? Стойте, говорю! У вас что, задница раскалилась, надо срочно охладить?! Хотя бы пять минут потерпите! Сейчас веревку поищем!

– Ну что, потерпим? – Муха взглянул на Андрея.

– Поступим проще, – Лунёв достал из кармана пакали. – Два тебе, на всякий случай, а два мне. Если сорвусь, хлопну и...

– Сыграешь в багажный ящик, – как частенько бывало, двусмысленно пошутил Муха. – Но вернешься на борт, это верно. Хороший план.

– О чем и речь, – Андрей спрятал свои пакали в карман.

В салоне вдруг что-то гроыхнуло, Каспер коротко вскрикнул, а Бирик выматерился. Муха непроизвольно обернулся. Оказывается, ничего страшного не произошло, отправленный на поиски веревки Каспер запнулся о тележку. Муха вновь развернулся к Лунёву и вдруг обнаружил, что Андрей почти добрался до того места, где лежал пакаль.

– Ты все равно осторожно там, а то... – Муха оборвал фразу.

Андрея на крыле больше не было. Когда Мухин начинал говорить, он еще был, но на «а то» – исчез. Не упал, не улетел и даже не испарился. Просто исчез...

...Что интересно, с точки зрения Лунёва, все выглядело практически так же.

Андрей подошел к краю и замер на секунду, прислушиваясь. Там, где он стоял, было тихо, но казалось, что буквально в метре от среза крыла дует сильный ветер. Да и холодом оттуда веяло, словно из открытой дверцы морозильной камеры. Но там, где очутился Андрей, было тихо и относительно тепло.

Отметив эту странность, Лунёв решил на время прервать наблюдения, нагнулся и поднял пакаль. Это был тот самый зеркальный «джокер», потерянный в момент неудачного перемещения. Затем Лунёв выпрямился и встретился взглядом с Мухой. Квестер как раз произносил «а то».

И вдруг Муха исчез. Вместе с самолетом. А Лунёв остался. Один, на неизвестной высоте над уровнем моря и абсолютно без опоры под ногами. И это не фигура речи. Опоры не было, однако Андрей не падал. Он висел в пространстве, подобно исчезнувшему вдруг самолету, и совершенно не понимал, что ему делать. Не понимал, может быть, впервые в жизни.

2. Воздушная Зона – Альфа-Вершина

Утверждая, что в зонах разломов не действуют законы физики, Каспер преувеличивал, но не слишком сильно. Где-то они работали исправно, где-то нарушались частично, а в отдельных местах и впрямь давали ощутимый сбой. То есть, если брать «среднюю температуру по больнице», получалось, что законы работают ровно наполовину. Воздушная Зона стала ярким тому примером. Андрей ощущал земное притяжение, а не кувырвался в невесомости, видел внизу облака, вверху солнце, но при этом не падал, не замерзал и не задыхался.

Помноженные на личный опыт ощущения подсказывали, что он находится на высоте примерно в три тысячи метров. Это не стыковалось с предыдущими событиями и наблюдениями, ведь самолет летел на высоте тысяч в десять, а все облака до сих пор плыли внизу, но это была наименьшая из странностей Воздушной зоны разлома. Другой, гораздо более интригующей странностью были непонятные, едва различимые линии, похожие на грани огромных кристаллов, которые рассекали окружающее пространство под разными углами.

Отливающие серебром тонкие линии, а лучше сказать – лучи возникали, исчезали, скреплялись и двигались из стороны в сторону, словно рисуя в небе какую-то масштабную картину. Было невозможно проследить, где начинаются лучи, их источники находились где-то очень высоко, но невидимым основанием для постепенно возникающего схематично-призрачного пейзажа стал тот самый воздушный уровень, на котором находился Андрей. То есть по ощущениям Лунёв по-прежнему висел в воздухе, а не стоял на невидимой тверди, но «опорная» часть пейзажа рисовалась как раз там, где находились подошвы его ботинок. Постепенно вокруг зависшего в воздухе человека возникало что-то вроде отливающего серебром полупрозрачного макета местности в натуральную величину.

Прошло не так уж много времени, и Андрей начал различать сотканный из лучей призрачный ландшафт. Было трудно понять, с какой реальной местности снята калька, но у Лунёва не было сомнений, что неведомый призрачный 3Д-принтер создает копию какого-то участка земной поверхности, а не очередное фантастическое «мармеладное королевство».

Что ж, если так, то эта странность имела хотя бы какую-то связь с реальностью, и это утешало. Что конкретно было утешительно? Пока Лунёв не мог ответить на этот вопрос. Впрочем, почему не мог? Мог. Увидев, что серебристые лучи вырисовывают копию реальной местности, Андрей вспомнил то, о чем всеми силами старался забыть, – историю с Шато Диаман, Бриллиантовым Замком. В той истории тоже имелось немало странностей, а главное – была высокотехнологичная маскировка упомянутого замка. Технология маскировки была другой, но идея схожая – Шато Диаман открывался лишь взгляду посвященных. Возможно, в Воздушной зоне происходило нечто подобное. Взгляду Андрея открывалось какое-то скрытое от любопытных глаз место.

За что такая честь? Это уже другой вопрос. Мало ли за что. Андрей давно понял, что задавать такие вопросы, а уж тем более греть голову в поисках ответов, – бессмысленное занятие, напрасная трата времени. Обычно ответы приходили сами, когда наступал нужный момент. А если не приходили, значит, в этом не было необходимости. Ну, это как в случае с вопросом «в чем смысл жизни»? Возможно, ответ есть, но искать его бессмысленно. И это никакой не каламбур.

Когда лучи вычертили ландшафт – холмистую равнину, – процесс заметно ускорился, хотя следующий этап теоретически был более сложным. Лучи начали рисовать строения и сооружения. Прямые линии давались «принтеру» заметно проще пейзажных изгибов. В считанные секунды лучи начертили несколько дорог, пару красивых мостов между холмами, а затем принялись за «объемы». В течение нескольких минут на одном из холмов выросли дома и башни вполне современного, а быть может, и опережающего современность города.

Очень скоро полупрозрачный, серебристо-синий, играющий солнечными бликами объемный макет был завершен, и на какое-то время лучи взяли паузу. Они не исчезли, просто будто бы легли в дрейф над городом, схематически изображая облака. Но бездельничал «принтер» недолго. Лучи вновь протянулись к условной «земле» и приступили к третьему этапу созидания. Они начали рисовать жителей города.

Андрей приготовился увидеть каких-нибудь ангелоподобных существ, но неведомая машина рисовала вовсе не каких-то небожителей. Созданные ею полупрозрачные существа походили на вполне обычных людей. Толстых и тонких, высоких и коротышек, симпатичных и не очень. Но что самое удивительное, как только лучи прорисовывали очередного персонажа, он начинал двигаться, говорить и заниматься какими-то своими делами. Вернее, складывалось впечатление, что эти призрачные люди просто продолжали заниматься своими делами, а «прорисовка» предназначалась исключительно Андрею. То есть увиденный им загадочный «верхний» мир не был смоделирован и заработал по программе вот только что, а существовал в своем измерении прежде, но теперь его контуры стали видны и пришельцу из мира «нижнего».

Вместе с «прорисовкой» жителей воздушного мира вдруг появились звуки, и это окончательно придало «объемному макету» достоверность. Андрей ощутил, как погружается в атмосферу призрачного бытия, и единственное, что не давало ему поддаться этой «реальной иллюзии», – отсутствие опоры под ногами. Он чувствовал себя пловцом в очень соленой воде. Утонуть невозможно, но и подпрыгнуть или хотя бы шагнуть не получится, опоры-то нет. И как тогда передвигаться – непонятно. Плыть? Или все же попробовать идти?

В принципе, можно было не загружаться. Как сказано выше, ответы на большинство вопросов в подобных ситуациях приходят сами. Логика подсказывала, что раз уж воздушный город открылся Андрею, на достигнутом он не остановится. Но кроме логики у Лунёва имелся еще и жизненный опыт. А он подсказывал, что так-то оно так, но лучше быть готовым к неожиданностям, хотя бы в базовом варианте. Вроде бы противоречие – то не искать ответы, которые через пару минут потеряют смысл, то – готовиться, но если вдуматься, никакого противоречия тут нет. Цитируя мудрый народ: «На бога надейся, да сам не плошай». О глубинном смысле происходящего думать, возможно, пока не следовало, а вот к неизбежной встрече с призрачными жителями этого мира лучше было подготовиться.

Андрей окинул взглядом местность. Пока что жители не обращали на него особого внимания, но это ничего не значило. Обратят обязательно. Иначе зачем бы их показывали Андрею?

Последняя мысль показалась Лунёву странной, не слишком логичной, а потому будто бы чужой. Призраков показали Андрею, чтобы они же, призраки, обратили на него внимание? Какая связь? Может быть, наоборот? Чтобы он обратил на них внимание и не затоптал, когда будет гулять по городу?

Решить логическую загадку Андрей не успел. Она решилась сама. Несколько полупрозрачных фигур вблизи невысокого строения у ближайшей дороги вдруг засуетились, на пару секунд пропали из вида, а затем вновь появились и быстрым шагом направились в сторону Андрея.

В мешанине серебристых линий было трудно выделить глаза призрачных существ, но Лунёву показалось, что пару раз ему удалось уловить взгляды и выражения лиц местных жителей. Приветливыми их не назовешь. К тому же все эти схематичные призраки теперь были вооружены, и это тоже мешало поверить, что полупрозрачные существа рады гостю из «плотного» мира. Шесть из дюжины призраков держали в руках необычные, но вполне грозные секиры, а остальные – стрелковое оружие. Огнестрельное оно или лучевое, сказать сложно, но в его приличной дальностью сомневаться не приходилось. А еще у Андрея почему-то не появилось сомнений, что призрачное-то призрачное, а продырявить его «плотное» тело оружие сможет без труда. Или разрубить, если в ход пойдут секиры.

Откуда взялась эта уверенность, Лунёв не мог объяснить, так же, как и в случае с нелогичной мыслью о том, кто на кого обратит внимание. Чем-то эта ситуация напоминала ему один из предыдущих квестов, когда ход его мыслей пытался контролировать «серый». Но тогда у Андрея в кармане лежал обычный пакаль, при «технической поддержке» которого «серый» и сумел влезть в сознание квестера. Теперь же Лунёв был защищен от подобного взлома, в кармане у него лежал зеркальный «джокер», а зеркальные пакали не позволяли проделывать подобные штучки со своими владельцами. Однако ощущения казались очень похожими.

Призраки шли быстро, и в запасе у Андрея оставалось только несколько минут, за которые ему следовало сделать почти невозможное – научиться ходить по воздуху. Лунёв попытался все-таки найти опору под ногами, но у него ничего не вышло. Тогда он попробовал «плыть» и снова напрасно потратил драгоценное время. Ни идти, ни плыть по воздуху не получалось. Минимальный результат принесли припадочные дерганья в стиле перебравшего супермена – по инерции удавалось продвинуться на пару метров, но игра не стоила свеч. На создание «внутреннего импульса» тратилось слишком много энергии. То есть без точки опоры ни нормально, ни аномально двигаться не получалось, и тут не помогали никакие специальные навыки.

Андрей всегда думал, что если и попадет впросак, то это будет особо затейливый случай. Например, он встретится с врагом, который владеет техникой уникального ментального боя, или сражение произойдет в виртуальном пространстве, где реальный боец Лунёв ориентировался от силы на четверочку. Или Сезон Катастроф сделает «сказку былью», и Андрей наткнется на какого-нибудь натурализовавшегося мага. Но того, что непобедимым врагом станет обычный воздух, по меркам большинства людей – пустота, Андрей не мог и представить. И вот невообразимое становилось реальностью.

Лунёв еще раз попытался понять, как он может двигаться, не имея крыльев, пропеллера или реактивных установок, попробовал еще раз применить технику движения в воде, но вновь почти не сдвинулся с места. Вода все-таки более плотная среда, при должном ускорении на нее буквально можно опереться. С воздухом такие фокусы не проходили. Как быстро ни двигайся, как ни маши, а руки не станут крыльями, не та площадь опоры. Оставалось утешать себя мыслью, что «хотя бы не падаешь», и обреченно ждать развязки.

Когда прозрачно-серебристая дюжина местных воинов подошла вплотную, Андрею удалось разглядеть одежду и лица. Ничего примечательного в облачении призраков не было. Одежда напоминала простые, без лишних деталей комбинезоны, «двойки» и «тройки».

Комбинезоны поначалу напрягли, но вскоре Андрей расслабился. Комбезы местных ничем не походили на одинаковые обтягивающие, с непроницаемыми масками костюмы «серых». Вся одежда этих воинов имела свободный покрой и у всех призраков отличалась нюансами. Кто-то из одетых в «двойки» носил штаны и рубаху, кто-то – нечто вроде военной униформы. Отличались лишь те, кто щеголял жилетами с накладными карманами. Казалось бы, что можно придумать в плане дизайнерских изысков, работая с таким предметом одежды, как жилет? Призрачные портные сумели удивить даже не склонного к подобному чувству Андрея. Впрочем, при всем при этом общим знаменателем являлась функциональность одежды. Каждая деталь имела смысл – ничего лишнего.

Это относилось и к внешности призраков – если можно говорить о внешности у схематично-прозрачных существ. Никто из них не носил усов или бороды. Пострижены все были по-разному, но тоже в разумных пределах, обходились без кудрей и «хвостов».

На этом фоне, пожалуй, самыми яркими деталями внешности призраков оказались их лица. Вообще-то схематичные, словно сплетенные из серебристых проволочек макеты было трудно назвать лицами, но, что удивительно, каждое из лиц имело довольно характерные черты. Именно при взгляде на условные лица даже пришельцу становилось понятно, что призраки отличаются друг от друга не только ростом, очертаниями фигуры и жилетками. Андрею

показалось даже, что он может определить их возраст. Например, один из них выглядел гораздо старше других. Но главным в этой «группе встречающих» был другой, не самый старший и не очень крупный, но с офицерской выправкой и поставленным голосом. Если, конечно, можно назвать «голосом» то, что услышал Андрей, когда призраки его окружили и лидер начал «говорить».

Больше всего издаваемые схематичным человеком звуки походили на завывания ветра. Призрак будто бы пел заунывную песню, периодически срываясь на гортанное дребезжание. На этот раз Андрей не слышал никаких «нелогичных мысленных подсказок», поэтому не понял из воя небесного воина ни слова. Он догадывался, что призрак предъявляет некие претензии, но и только.

– Вы меня простите, но я тут пролетом... – откашлявшись, сказал Андрей и едва заметно усмехнулся. – Языками вашими не владею.

– Говори, как ты умеешь. Чему вас только учат? Русский, да? – вдруг выпалил лидер призраков, казалось, на одном дыхании.

Переход с завываний на довольно чистый русский язык дался ему на удивление легко. Имелся лишь один нюанс.

– В обратном порядке, – Андрей покрутил пальцем против часовой. – Предложения должны идти в обратном порядке. Но смысл я уловил.

– Как сюда попал? Кто такой? Вот и хорошо, что понял.

– Снова... – Андрей опять покрутил пальцем, будто бы переводя вручную стрелки настенных часов. – Впрочем, неважно. Говорю же, пролетом. Разлом реальности в самолете возник, я попытался убраться оттуда, но застрял в вашем призрачном мире.

– Ты шпион! – Лидер с присвистом, словно в горле у него гулял сквозняк, рассмеялся. – Это в вашем мире бушующем призрачно все. Мозги не заговаривай! Зубы мне не парь!

– Даже комментировать не буду, – Андрей вздохнул. – Вы вообще в курсе, что между нашими мирами километры по вертикали плюс нехилая маскировка? А то и вовсе непреодолимая грань разных измерений.

– Пусть сидят вдвоем, чтобы после возгонки к предкам меньше было дезинфицировать, – призрак кивнул подручным. – В плену его и к другому. Умник попался.

– А удобно, – невозмутимо заметил Андрей.

– Я говорил о дезинфекции камеры смертников в Башне Посланников. Но возгонки тебе не избежать. Уважаю. Крепкие нервы – это хорошо.

– Я понял, – Андрей усмехнулся. – И я говорил о другом. Удобно, когда выдают сначала концовку, а потом вводные фразы. Остается время обдумать ответ.

Призрак явно хотел сказать что-то еще, но почему-то передумал, сделал шаг назад и кивнул подручным. Андрею сильно хотелось «прощупать» призраков на предмет навыков рукопашного боя, но ему хватило ума и выдержки не затевать потасовку. И когда его схватили крепкие руки казалось бы бестелесных существ, Лунёв понял, что интуиция дала верную подсказку.

А когда один из призраков для острастки несильно ударил обушком секиры Андрея по бедру, Лунёв окончательно понял, что попал вовсе не в сказочную страну, где обитают безобидные эфирные существа. Все-таки призрачный вид был не натуральным видом существ, а фокусом восприятия. На деле «призраки» были вполне материальны. И оружие у них было тоже натуральное, не зря Андрея посетило предчувствие, что квест предстоит непростой. Из ряда вон выбивалось только отсутствие опоры под его ногами. Если «призраки» тоже материальны, на что опирались они?

Но это уже из другого сборника загадок. Из того, который Андрею придется листать, сидя в Башне Посланников.

«Интересно, посланников куда и к кому? На небо, к молчаливым предкам? Если «возгонкой» тут называют именно казнь, так оно и есть».

Призраки извлекли откуда-то большой кусок тончайшего полотна и накинули на Андрея. Коснувшись Лунёва, покрывало тотчас облепило его от шеи до ног и словно «село», как постиранные джинсы. Тонкий, но прочный кокон обездвижил Андрея окончательно.

Вот так. Непобедимый солдат, хранитель тайн, наемник, сталкер и квестер Андрей Лунёв, Старый за какой-то неполный час впервые в жизни попал в ситуацию, в которой не сумел разобраться, впервые не нашел выхода из этой ситуации, да еще и сдался без боя. Тоже впервые в жизни.

Да, все впервые, но ведь сразу в тройном размере. А вы говорите – герой!

* * *

Рассуждая о многообразии мира, мы всегда опускаем одну важную деталь: принцип. То, что объединяет, например, любые рощи, тайгу и джунгли или все моря, океаны и прочие водоемы. В основе каждой группы лежит единый принцип. Все леса состоят из деревьев, все водоемы наполнены водой, а все горы, например, это каменные глыбы. Такая же история с городами. Все города – это населенные пункты со строениями разной этажности для компактного проживания общин.

Города могут быть и не крупными, а строения могут иметь исключительно один этаж, и насчет компактности зачастую можно поспорить. Но принцип все равно соблюдается. Города созданы для общинного проживания и созданы людьми, а не природой. И даже если город находится черт знает где и населяют его не люди, а их полупрозрачные «схемы», принцип работает.

Относительно окружающих просторов призрачный город был весьма компактным. Зачем так себя ограничивать в жизненном пространстве? Андрей не понимал этого внизу, когда гулял или ездил по узким улочкам нормальных городов, не понимал этого и здесь. В Средние века все было понятно – городские стены служили укрытием. Но сейчас не было ни городских стен, ни смысла за ними прятаться, даже если бы они были. И все равно люди стремились забраться друг другу на голову, жить в тесных, шумных и неудобных типовых домах-муравейниках с «отличными» видами из окна. На помойку, на стены других домов или окна в окна с соседями. Класс! Мечта муравья!

На окраине «города-схемы» улицы были довольно широкими, а практически все дома имели палисадники с условной «зеленью», но чем ближе к центру, тем плотнее становилась застройка, выше дома и миниатюрнее «зеленые» газоны и клумбы. Все, как в любом из «нижних» городов.

Впрочем, не в любом. Все-таки этот город выглядел более технологичным, высотным и каким-то более стремительным, чем большинство старых европейских поселений. Особенно впечатляла та его часть, что занимала пространство между окраиной и центром. Она выглядела полным собранием цитат-новостроек со всей бурно развивающейся Азии. Особенно много было зданий, напоминающих небоскребы Шанхая, Гонконга и Сингапура. Так сказать, «не все китайцам копировать, пришло время новых плагиаторов». Что ж, призрачные строители могли собой гордиться, эта часть города производила действительно сильное впечатление. Только условной зелени здесь было уже совсем мало.

Сам центр, городское яблочко, был и вовсе лишен природных излишеств, а в плане архитектуры выглядел резким контрастом и с окраинами, и с кварталами небоскребов. Центральным зданием города был настоящий дворец в духе позднего Средневековья, словно вырубленный из огромной скалы. Готические башни, толстые стены, вычурные проемы окон и дверей в целом смотрелись очень даже неплохо, и при других обстоятельствах Андрей непременно

полюбовался бы этой воплощенной в камне симфонией. Но сейчас Лунёву было не до архитектуры. Его везли связанным, в открытом восьмиколесном экипаже – неторопливом, но бесшумном, со вполне комфортными сиденьями, хотя со стороны напоминающем схематичное изображение БТР, только со срезанной верхней частью – в одну из башен этого дворца. Даже если не брать в расчет многозначительные обещания призраков насчет «возгонки», перспектива очутиться в заточении, пусть и внутри шедевра архитектуры, абсолютно не вдохновляла. Потому и любоваться будущей темницей совсем не хотелось.

К тому же, когда экипаж въехал на просторную площадь перед дворцом, нашлось на что поглазеть с большей пользой для дела. Почти посередине дворцовой площади, там, где у приличных людей стоит какая-нибудь колонна, стела или памятник, чернел разлом реальности. Форма и размеры у него были необычные, но Андрей ни на секунду не усомнился, что это именно разлом.

Черная клякса с бахромой подвижных «ложноножек» была вытянута, как лента в направлении дворца, но вовсе не прикидывалась ковровой дорожкой. Пятиметровая в ширину и метров двадцати в длину, она была перекручена на пол-оборота и замкнута в кольцо – эта часть ленты лежала чуть ниже уровня земли, но Андрей отлично ее видел. Серебристая штриховка схематичной брусчатки этому ничуть не мешала.

Ни с чем подобным Андрей прежде не сталкивался, но это вовсе не означало, что такого не может быть. Станный мир, странные жители, почему бы здесь не быть и странному разлому, в форме «односторонней» ленты Мебиуса?

Какую пользу можно было извлечь из этого факта? На первый взгляд – никакую. Хотя, если задуматься...

Лунёв поймал себя на мысли, что, задумываясь над здешним мироустройством, он рушит свою же теорию о бесполезности и даже вреде глобальных размышлений в полевых условиях. Буквально полчаса назад он рассуждал о том, что думать надо о тактике, а размышления о мироустройстве – трата времени, но теперь был вынужден признать свою ошибку. Теперь он вдруг осознал, что если понять, почему здешний разлом – это лента Мебиуса, можно будет понять и то, как выбраться из города, а потом и из этого воздушного мира.

Как возникла такая мысль – снова не очень-то логичная и странноватая, – или откуда она пришла? Это тоже было бы неплохо понять.

«Здесь вообще непочатый край умственной работы».

Экипаж остановился у парадного подъезда, и Андрей поднял взгляд на дворец. Его каменная масса, вблизи почему-то вовсе не казавшаяся схематичной, нависала и подавляла своей монументальностью.

«Занятно, что теперь я вижу не только детали, но и структуру, – мысленно отметил Андрей. – Постепенное привыкание к здешнему монохромному привело к автоматическому домысливанию и условному «расцвечиванию» города? Восприятие адаптируется, и сознание подгоняет картинку под привычные стереотипы? В этом случае мне грозят неприятности. Так я могу и забыть, что не местный, а значит, потерять всякое желание отсюда выбраться. Пока нет оснований беспокоиться, но схема вполне реальная, поэтому надо держать ее в уме. Как это сделать? Ну, пока-то нет проблем, имеется якорь, который удержит от привыкания – ходить по призрачной поверхности я не умею. Но в будущем, если научусь, придется что-то изобретать. Если, конечно, оно мне грозит – будущее».

Оценить внутреннее убранство дворца Андрею не удалось. Призрак, встретивший гостей на крыльце, провыл лидеру конвойной группы пару фраз на местном языке, и конвоиры потащили пленника вовсе не к парадным дверям, а куда-то в сторону. Минут через пять запыхавшиеся воины добрались до левого крыла дворца и внесли арестанта в просторное помещение. Похоже, это и была условная Башня Посланников – тюремная часть дворца.

Недолго повозившись, конвоиры ослабили «пелену», ловко обыскали Андрея, выгребли все содержимое карманов, включая пакали, затем окончательно развязали, бросили на койку и быстро ретировались.

Лунёв проводил их взглядом, оценил мощь дверей, за которыми скрылись призраки, и мысленно признал, что на данный момент проигрывает с крупным счетом. Выбраться из заточения у него не было пока никаких реальных возможностей. Что ж, если так, следовало их найти. Чтобы «пока» не затянулось до обещанной «возгонки».

Андрей окинул взглядом новое пристанище. В огромном зале – по площади с футбольное поле – помимо двух десятков казарменных коек имелся остров-пищеблок, похоже, что автоматический, туалетные кабинки у левой стены и несколько островков рабочих мест, напоминающих офисные. И во всей этой казарме-студии почти никого не было. Нет, где-то вдалеке, на другом краю зала, вроде бы бродили какие-то призрачные арестанты, но к «прихожей» и спальному островку они не приближались. А в непосредственной близости к дверям находился Андрей и... еще один «плотный»! Этот узник расположился на ближайшем офисном островке и был увлечен каким-то делом – он пялился на объемную проекцию принципиальной схемы какого-то непонятного агрегата...

* * *

Ни вторжение, ни реплики конвоиров, ни даже шум, почти грохот, с которым призрачные воины сгрузили Андрея на свободную койку, не смогли отвлечь «плотного» сокамерника от его увлекательного занятия – изучения этой большой объемной схемы. Издалека было не понять, что это на самом деле. Хлопки дверей – а подхваченные сквозняком тяжелые двери хлопнули дай бог! – не отвлекли «инженера». Сосед по огромной камере обратил внимание на изменение обстановки в целом и на появление Лунёва в частности лишь после того, как тот уселся на жесткой кровати и откашлялся.

– О-о! – «инженер» развернулся вместе с креслом. – Нашего полку прибыло! Понимаете меня?

В профиль «инженер» выглядел типичным «ботаном» неопределенного возраста и бесперспективного состояния здоровья. Для полноты картины не хватало толстых очков и сальных волос, стянутых в хвост. Но когда он развернулся в фас и встряхнулся, стало понятно, что все не так безнадежно.

Это был молодой, не старше тридцати, человек, довольно широкий в плечах и не такой уж subtilный. Во всяком случае, руки у него были крепкие, шея не карандашная, а грудные мышцы не обтягивали грудную клетку, а существенно ее дополняли. В целом «инженер» выглядел даже гармонично, как человек, который, конечно, слишком много сидит и работает головой, но не забывает хотя бы пару раз в неделю отмахать в бассейне километра полтора вольным стилем.

Лицо «инженера» тоже было не изможденное и серое, как бывает у многих любителей зависнуть в Сети, и глаза не запавшие с красными прожилками на белках. Лицо было улыбочное, открытое, располагающее, здорового цвета, а глаза живые, в меру блестящие, умные.

– Понимаю, – не стал оттягивать неизбежное знакомство Андрей. – Редкая удача. Единственный сокамерник и сразу тебе и «плотный», и русский.

– Не единственный, – «сокамерник» расплылся в улыбке, довольно дружелюбной, и кивком указал куда-то в дальний угол гигантского зала, – там еще десять потерянных душ прячутся. Но, вы правы, они местные, «неплотные», как вы сказали. Мы с вами вдвоем тут такие. Разрешите представиться, Александр Александрович Беляев, среди своих – Сан Саныч, а в Сети – Феникс, двадцать семь лет, кандидат наук, холост, но есть девушка по имени Аня.

– Исчерпывающая информация, – Андрей недоверчиво хмыкнул. – Вы всем это рассказываете?

– Всем? – Сан Саныч Беляев на миг задумался. – Нет, что вы! Просто здесь мы с вами в особой ситуации... и мне подумалось, что лучше сразу установить доверительные отношения. Я не настаиваю, но... это все равно придется сделать, рано или поздно, по желанию или против воли. У меня, знаете, на даче соседка... наистервейшая особа! Мы года три ругались, потом еще три не разговаривали, а теперь пьем чай то у нее в беседке, то у меня на террасе. А куда деваться? Дачи через забор, приходится находить общий язык.

– Я понял вашу мысль, Сан Саныч, – Андрей усмехнулся и кивнул. – Пропустим лишние этапы, сразу к чаю.

– Я уже загрузил программу, – Беляев указал пальцем за плечо. – Через пять минут будет готов.

– Я образно.

– Я понял, но ведь и настоящий чай не помешает.

– Хорошо, не возражаю. Я Андрей Лунёв.

– Квестер?

– Да. Вы знаете о квестерах?

– И об Игре, и о «серых». Я знаю все.

– Откуда?

– Здесь у меня много свободного времени и неограниченный доступ к Сети. Чтобы не скучать, я анализирую информацию, размышляю и делаю выводы.

– В местной сети есть информация о проблемах «нижнего мира»?

– Нижнего мира? – Беляев усмехнулся. – Вы, Андрей, неверно представляете себе мироустройство. Наш с вами мир вовсе не какой-то там «нижний», и этот мир тоже далеко не «верхний», появляющийся только в лунную ночь, как в книгах у Железного. Они вообще не соотносятся по высоте.

– Тогда в чем фокус? Они параллельны?

Лунёв без колебаний принял предложенный Фениксом стиль общения – говорить без скидок на возможные пробелы в знаниях и вероятную несообразительность собеседника. Как ни странно, беседа пошла легко, хоть Андрей и не был, как Беляев, кандидатом наук.

– Тоже нет, – вновь с улыбкой ответил Беляев. – У параллельных миров не может быть точек пересечения. Будь эти миры параллельными, мы никогда не попали бы сюда. И никакая информация из нашего мира сюда не проникла бы. Все устроено чуточку сложнее. Если коротко: миры существуют в одном и том же месте, но с минимальным сдвигом и потому не мешают друг другу.

– Вроде матрешек?

– Матрешек? – Сан Саныч на миг задумался. – Пример не самый удачный, но если угодно, да, вроде матрешек. Только внутренняя матрешка находится не по центру, а прижата к одной из стенок внешней. В этом месте и расположен переход из мира в мир. А почему вы не встаете? Идите сюда, в кресле удобнее беседовать. Я чаю вам налью, он уже готов.

Беляев выдвинул из-под стола второе кресло.

– Я пока не освоился... – Андрей невольно опустил взгляд на пол, гладкий и прозрачный, как байкальский лед.

– А-а, понимаю! – Беляев кивнул. – Вы думаете, что в этом мире не на что опереться? Типичный случай!

– Вы тоже так думали?

– Поначалу да, но быстро справился с этой проблемой, – Сан Саныч постучал каблуком по полу. – Видите? Это нормальный пол.

– Для вас.

– И для вас тоже, поверьте. Надо только настроиться. Выкиньте из головы мысль, что вы непонятным образом зависли на высоте... сколько вы там себе нафантазировали... три тысячи метров?

– Точно. Как вы догадались?

– Вижу, вы человек образованный и опытный, поэтому должны были сопоставить элементарные вещи: температуру воздуха, насыщенность кислородом, внутренние ощущения. И это правильный вывод, Андрей. Мы находимся на высокогорье, но не висим в воздухе, а сидим в башне, которая стоит на самой натуральной тверди. Эта часть города вообще вырублена из скалы, представляете? Целиком! Как храм в Петре, в Иордании, слышали о таком?

– Где «Индиану Джонса» снимали?

– Точно, серию с Шоном Коннери, – Беляев улыбнулся. – Моя любимая. Так вот, ваша проблема здесь.

Он постучал пальцем по виску.

– И не одна, – Андрей вздохнул и опустил ноги с койки, но пола так и не коснулся.

– Самокритика на месте, это хорошо, – Сан Саныч махнул рукой. – Вставайте, вставайте, у вас получится. Психологический барьер вам внушен альфийцами.

– Кем?

– Так в переводе на русский звучит самоназвание местного народа. Свой мир они называют Альфа-миром, страну – Долиной Ветров, а этот город называется Альфа-Вершина.

– *«Тяжелая работа с Вершины слушать Ветер»*, – пробормотал Андрей себе под нос строчку из подсказки Мастера Игры. – Теперь понятно, к чему была эта строка. Действительно, тяжелая работа. Только не ветер слушать, а психологические барьеры ломать.

Он коснулся ногой пола. Носок ботинка вроде бы уперся в твердую поверхность, но сознание по-прежнему отказывалось признать ее достаточной опорой. Все равно что Андрей коснулся бы воды. Впрочем, это был явный прогресс. Пол воспринимался, пусть еще не как надежная опора, но уже и не как пустота.

– Вы настраивайтесь, настраивайтесь, – Беляев одобрительно покивал. – Эта Долина не единственная страна Альфа-мира, но она мало чем отличается от других долин. Этот мир богат горами, поэтому слово долина здесь стало синонимом страны. Так что тут в полной мере применима формула «Видел одну страну – видел все». Заметьте, я применил термин «страна», а не «государство». В Долинах государственный строй отсутствует за ненадобностью. Представляете? В связи с полной открытостью и глубокой взаимной интеграцией разумов местных жителей.

– Это как? Они все телепаты?

– Не совсем так. Обитатели Альфа-мира связаны совершеннейшей информационной сетью. Она и основа, и главное наполнение, и оболочка их цивилизации. Вот почему им не нужен аппарат государственного контроля. В альфа-сети жизнь каждого как на ладони. То есть, мысли друг друга они не читают, однако преступников здесь нет, общественные нормы и правила никто не нарушает, а решения принимаются действительно сообща, с учетом запросов, пожеланий и интересов всех и каждого.

– Идеальное общество?

– Более или менее.

– Однако мы сидим в Башне Посланников. То есть в тюремном блоке. Зачем он в идеальном обществе?

– В любом обществе есть люди с отклонениями. Так что здесь, в Башне Посланников Дворца Судеб, содержатся скорее душевнобольные и, простите, дефективные. Здесь они изолированы от общения с другими альфийцами.

– Здесь не работает информационная сеть?

– Работает, но в одностороннем порядке. Получать информацию здесь можно, а транслировать ее отсюда нельзя. Без особого на то разрешения. Теперь вставайте.

– Что?

– Вы поставили ноги на пол, – Беляев кивком указал на ноги Андрея. – Осталось перенести на них вес тела. Сделайте это.

Андрей подался вперед, но так и не встал.

– Не могу, – смущенно улыбнувшись, признался он.

– Не можете или не хотите? – Беляев тоже улыбнулся. – В чем реальная суть ваших сомнений? Насчет плотности пола вы все для себя решили, но остался еще какой-то якорь. Что вас удерживает?

– Хорошо, признаюсь. Я, наверное, подсознательно боюсь привыкнуть к этой реальности. Адаптация прошла очень быстро, и меня это сильно насторожило, даже напугало. Мне кажется, если я начну здесь еще и ходить, то окончательно забуду, кто я и откуда. Потеряю связь с нормальным миром, застряну тут, потому что не буду знать, куда должен вернуться.

– Бойтесь полной ассимиляции, – перевел для себя Сан Саныч. – Понимаю. И легко могу нейтрализовать все ваши опасения. У вас есть зеркальце или что-то подобное?

– Было, – Андрей хмыкнул, – даже три. Зеркальные пакали. Но их отняли альфийцы.

– Я одолжу, – Беляев выдвинул ящик стола и покопался в нем. – Вот! Походный бритвенный набор. Маленький баллончик с пеной, разовый станок и зеркальце. Это станет для вас отличным «якорем»! Каждый раз, когда вы будете смотреться в это зеркальце... вы ведь собираетесь хотя бы иногда бриться... вы увидите, что отличаетесь от альфийцев.

– Видеть и понимать – не одно и то же, – усомнился Андрей.

– Правильно. Но пусть вас это не тревожит. Глядя на альфийцев, вы станете воспринимать их вид как безусловную норму. Но, сравнивая себя и местных жителей, обнаружите разительный контраст, и это напомнит вам о реальном мире. Не сомневайтесь, способ проверенный.

– Так-то оно так, – Андрей вновь усмехнулся. – Но, боюсь, бритвенный набор не понадобится. Мне тут была обещана скорая «возгонка».

– О-о, эти «тонкие» шуточки! – Беляев рассмеялся. – Успокойтесь, Андрей, это было сказано для острастки. Даже скорее чтобы пощекотать нервы себе и окружающим. Толпа любит всякие жутики, а психология местной толпы ничуть не отличается от нашей. На самом деле никакие «возгонки к предкам» нам не грозят. Наш удел – сидеть в Башне до конца времен или до момента, когда вдруг случится нечто из ряда вон выходящее и нас будет выгодно обменять на что-то или кого-то. Как я уже сказал, в этом мире много Долин, идет торговля, да и с «нижним» миром бывают пересечения, как видите.

– Все-таки это мир «верхний»?

– Это я для удобства. На самом деле Альфа-мир почти двухмерный. То есть он трехмерный, плюс время, так же, как наш, но два из трех измерений пространства в нем находятся настолько близко одно к другому, что у него есть высота и ширина, но почти нет «глубины» в нашем понимании.

– Потому и разлом – лента Мебиуса?

– Вы весьма наблюдательны, Андрей! Ну да, видимая часть разлома именно такая. У нас разломы тоже кажутся двухмерными – высота и ширина... или длина и ширина, если он расположен по горизонтали. Но у нас разломы имеют глубину неведомой протяженности и обратную сторону, а тут лента разлома односторонняя и имеет лишь мизерную толщину. В этом главная разница, если не вдаваться слишком сильно в топологию. Поэтому поначалу все тут кажется схематичным и плоским, а объем оно обретает только после того, как восприятие «адаптируется» и мозг начинает «понимать», а на деле достраивать-выдумывать, какая линия ближе, какая дальше, чтобы создался умозрительный «объем». Не слишком сложно объясняю?

– Нормально. То есть, все тут плоское? Движущиеся картинки? Материализация кино? Иллюзия три дэ?

– Не совсем. Ведь третье измерение, пусть искаженное, тут все-таки имеется, и это не иллюзия. Все вокруг реально и объемно, но для нас оно становится таким лишь после адаптации восприятия. После привыкания, проще говоря. А если привычки нет – мы пролетаем мимо грани пересечения миров и видим от силы какой-то луч – «срез» этого мира. Кстати, здесь высокогорье, как мы выяснили, около трех километров над уровнем моря, но в нашем мире здесь все десять. Получается, прямо «сквозь» альфа-горы летают наши самолеты. И ни один еще не задел ни одной горы, настолько ничтожны по «толщине» их «срезы» в нашем мире.

– Один, похоже, задел, – возразил Андрей, – и даже «застрял» в альфа-горе. А на десерт получил альфа-разлом посреди салона.

– Это был ваш самолет? Что ж, случай из разряда «один на миллион». Но подозреваю, что дело не в «столкновении» с местной горой, ваш самолет просто вляпался в разлом. Тоже редчайшее явление, чтобы не разлом возник где-то, а что-то его «поймало», но тут сыграла злую шутку разница в строении миров. Вот ваш самолет и стал булавкой, которая их скрепила. А разлом сыграл роль замка этой булавки, закрепил сцепку миров. Так что теперь один и тот же разлом находится и в Альфа-мире, и в нашем. Но поверхность разлома в обоих мирах одна и та же, ведь у ленты Мебиуса нет изнанки.

– Получается, Игра с разломами, «серыми» и пакалями идет не только в нашем мире, но и в других мирах?

– Правильный вопрос, Андрей! Особенно верно то, что вы применили множественное число. Этот мир, как видите, несильно отличается от нашего. Да, он другой, но не принципиально. Это скорее странная схематичная вариация на тему нашего мира. Вероятно, есть еще немало подобных миров – искаженных моделей, отслоившихся по каким-то причинам и на каких-то этапах – не я придумал, но лучше не скажешь – от нашего. Понятна мысль?

– Еще как. Я сам из такого мира. По версии ученых, он отслоился в восьмом году и сольется с главной последовательностью пространственно-временного континуума не позже двадцатого.

– Очень грамотные сроки. Почти во всех существующих сейчас «отслойках» наступили не лучшие времена, и все они начались с восьмого, а судя по «траектории» закончатся к двадцатому. Возможно, это своего рода «сочувственные проблемы», ведь нестабильность в Главном мире началась тоже в восьмом и прогнозируется до двадцатого. Доживут ли «отслойки», вольются ли обратно в главный мир и с какими последствиями для него или же они продолжат свой путь, постепенно удаляясь от ГП ПВК, – вопросы другого порядка. Важно, что они есть и будут то и дело появляться в дальнейшем. Но все равно это лишь флер, аура, хвост кометы, инверсионный след, стружка. Главный мир – наш.

– Почему?

– Первейшее доказательство этому – Игра идет именно в нем.

– Здесь тоже есть разлом.

– Верно, есть разлом, но нет Игры! Вспомните, что сказали альфийцы, когда отбирали у вас пакали?

– Ничего не сказали.

– Верно! Потому что приняли их за ненужные побрякушки. И «серых» здесь не видели ни разу. А разлом альфийцы воспринимают как простое отражение проблем нашего мира. Понимаете? Или даже тень, несимпатичную, но практически безобидную. Нет, они не закрывают глаза на очевидное – я ведь говорю, в альфа-сети имеется любая информация, в том числе о Сезоне Катастроф, но альфийцы убеждены, что наши проблемы не коснутся их ни при каких раскладах.

– Вы давно здесь сидите? – неожиданно спросил Андрей.

Беляева этот вопрос снова заставил на миг задуматься, но в тупик не поставил. Он вновь улыбнулся и киношно прицелился в Лунёва пальцем.

– Мне нравится с вами беседовать, Андрей. Ощущение, что мы знакомы очень давно и можем обходиться без лишних слов. Можем даже опускать за ненадобностью целые фрагменты беседы! Это, не скрою, для меня удивительно. Да, я сижу здесь целую вечность и потому досконально изучил происходящее в нашем мире.

– С помощью альфа-сети? – в голосе Лунёва сквозило явное сомнение.

– Вы не верите в информационные сети?

– Я слишком старый, чтобы слепо в них верить. По крайней мере в Интернет. Эта сеть несовершенна. Чтобы добыть в ней крупицу достоверной информации, приходится перелопачивать огромные объемы всевозможного шлама. «Изводить единого слова ради тысячи тонн словесной руды». При этом надо умудриться не сойти с верного пути.

– «Умудриться», – Беляев, казалось, посмаковал слово. – Что ж, считайте меня мудрым. Нескромно так говорить, но... у меня нет другого объяснения. Не знаю, как это получается. Я вижу истинную суть вещей, даже когда мне пытаются подать события под жирным соусом. Суть все равно просвечивает сквозь любой жир. Может быть, это мой дар? Удивительно, что вы помните Маяковского.

– Я ведь сказал, что очень старый, – Андрей поднял руку. – Все-таки попробую встать. Вы продолжайте говорить, Сан Саныч, это мне помогает.

– Не вопрос, – вдруг проронил Беляев и подмигнул.

Андрей от неожиданности на миг замер, но уже в следующее мгновение встал. И никуда не провалился. В сознании резко, вспыхнуло понимание, что под ногами действительно нормальный пол, по которому можно ходить.

– Вы знаете даже больше, чем я думал, Сан Саныч. Откуда информация?

– Это неважно. Скажем, я откопал ее в библиотеке. У вас отлично получилось! – Сан Саныч поднял большой палец.

– Замечательно! – согласился Андрей и выдохнул с облегчением.

– Теперь идите! А я продолжу. Вы упустили один важный момент. В здешней сети есть данные не только из нашего мира, но еще информация из миров «отслоек». Ведь любой, кто попадает сюда, становится источником информации. Все, что удастся «выкачать» из гостя, становится достоянием альфа-сети. Да, такие события происходят крайне редко, но происходят. На моей памяти вы пятый пришелец. Это, не считая меня самого. И другие четверо были вовсе не из нашего мира.

– Вот откуда вы знаете, что происходит в «отслойках»!

– И снова не спешите, Андрей! – Беляев зачем-то перешел на заговорщицкий полупотоп: – Лишь трое были из отслоившихся, турбулентных миров! Хм... только что пришло в голову... «турбулентные миры»... как вам?

– Тоже неплохо. А откуда был четвертый?

– Я не знаю!

– Вы ведь знаете все.

– Вот именно, Андрей! Все, кроме этого! Альфа-сеть не смогла выкачать из него ни байта информации!

– И какой вывод? Это был не человек?

– Что тут сказать... – Беляев развел руками. – Домыслы не мой профиль.

– Назовите это гипотезой. Научные гипотезы это ваш профиль?

– Лукавство, – Сан Саныч вздохнул и покачал головой. – Но ладно, схитрим! Я убежден – в рамках гипотезы! – что это был человек из действительно другого мира. Не отслоившегося, не турбулентного, а другого, хотя опять же в чем-то схожего с нашим. Ведь выглядел он почти

как человек. У него были странные черты лица и пропорции тела, но по большому счету... почти как человек.

– Он мог быть из нашего мира, но из другого времени, – заметил Андрей.

– Пространство, время... не суть важно! Ключевой момент – это *совсем* другое пространство или время. Совсем! Не «отслойка» с восьмого по двадцатый год, а нечто, лежащее далеко за пределами этих рамок! Очень далеко!

– Интересно. И где он теперь?

– Ушел, – Беляев пожал плечами.

– Просто ушел?

– Совершенно верно. Появился, походил по городу, будто бы что-то вынюхивая, и ушел. Только не спрашивайте куда. Я говорю «ушел», исключительно чтобы обозначить, что его здесь больше нет. Он, строго говоря, и не приходил. Просто появился, а затем просто исчез. Кстати сказать, альфийцы на его присутствие даже не отреагировали!

– Не заметили его?

– Заметили, в том-то и дело! Они расступались, когда он гулял по городу. Но не шаркались и, наоборот, не кланялись ему в пояс, а просто расступались. От силы – провожали взглядами. Я даже не знаю, с чем это сравнить, чтобы вам стало понятнее. Это выглядело... как... вот если бы вы в парадной форме приехали в лагерь первичной подготовки квестеров. К вам отнеслись бы с уважением, верно? Но вряд ли начали бы приставать, кланча автограф или задавая глупые вопросы. Расступались бы, смотрели вслед и не мешали уважаемому ветерану заниматься делами. Так было и здесь. Позже я узнал, что альфийцы называли пришельца Идущим по Краю.

– Думаете, это был... – Андрей повесил незаконченный вопрос и уставился на Беляева.

– Что вы хотите услышать? – Сан Саныч поерзал. – Думаю ли я, что это был замаскированный «серый»? Может быть. Но меня самого эта версия почему-то не устраивает.

– Но ведь вы на это намекали, когда говорили о *совсем* другом мире.

– Заметьте, я не говорил этого напрямую!

– Ваша совесть чиста, Сан Саныч, вы остались в рамках научного подхода. Но у меня другой подход, поэтому позволю себе сделать вывод, что поведение пришельца, реакция альфийцев плюс факт появления этого «ветерана» ниоткуда, а затем его бесследное исчезновение навели вас на мысль, что это был гость из «серого» мира или времени. Так? Не отвечайте, если не хотите.

– Вы ведь помните, наш мир главный, а все остальное – турбулентности или отслойки. Но управление Игрой не может осуществляться из какой-то там нестабильной «отслойки»! Однако в главном мире не может быть таких странных людей. Да и располагать генштаб на передовой – не лучшая идея. Какой я должен был сделать вывод?

– Что есть еще один полноценный обитаемый мир или отдаленный отрезок времени нашего мира, – задумчиво глядя на Беляева, ответил Андрей, – из него-то и приходят «ветераны». Они же «серые», которые в каждом мире появляются и маскируются по-разному. К маскировке у них особый талант. Так вот, к нам они приходят через разломы и одеваются при этом в серые комбинезоны, а здесь загадочные гости появляются... например, через ту грань миров, которая впустила меня. Альфийцы называли этого замаскированного «серого» Идущим по Краю? Но Грань или Край, какая по большому счету разница? Или они появляются с помощью пакалей. И одеваются не столь вычурно.

– Может быть, гость и пользовался пакалями, но я этого не видел. А грань, кстати, пропускает только из нашего мира в Альфа-мир. Это ведь точка соприкосновения исключительно этих двух миров. Но загадочный гость пришел из совсем другого мира!

– Как же он сюда попал?

– Не имею представления!

– Но еще одну гипотезу-то...

– Андрей, не начинайте эту пытку заново! – Беляев возмущенно округлил глаза. – Я не хочу больше топтать свои принципы! Гипотезы – те же домыслы! Теперь я это понял. Если хотите, рассуждайте сами, без меня. У вас достаточно базовой информации.

– А в табло за саботаж? – совершенно неожиданно для Беляева сменил Андрей тональность. – Ты понимаешь, что у нас может появиться уникальный шанс – вычислить логово «серых»?!

Андрей подошел, наконец, к столу и угрожающе навис над Сан Санычем.

– Нет! – Беляев втянул голову в плечи. – Не надо! И почему так грубо и на «ты»?!

– Ты сам сказал, что рано или поздно придется стать лучшими друзьями, – Андрей положил руку Сан Санычу на плечо и крепко сжал. – А еще ты говорил, что знаешь все!

– Я просто не думал над этим! – Беляев поморщился. – Ну что ты вцепился?! Я правду говорю! Но я могу подумать, если хочешь. Только зачем? Из чистого любопытства? Даже если мы вычислим, откуда все-таки пришел тот «ветеран»... или замаскированный «серый», не факт, что мы сможем проникнуть в *совсем* другой мир! *Совсем!* Пойми ты наконец!

– Не факт, это верно, – Андрей разжал пальцы и поправил смятую ткань на плече у Беляева. – Извини. Я перегнул.

– Поздравляю, – Сан Саныч смерил Андрея чуть обиженным взглядом, – ты научился ходить. Чаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.